

НЗ

/набор землянина/

Оксана Демченко

Оксана Демченко

НЗ. набор землянина

«Издательские решения»

Демченко О.

НЗ. набор землянина / О. Демченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749344-8

Это история очень маленького человека в очень большой и взрослой вселенной. Вернее даже, двух людей с планеты Земля, Серафимы Жук и Билли Вэйна. Люди они очень разные по происхождению, жизненному опыту и устремлениям. Ну сами посудите: Билли при встрече способен прицельно всадить вам все пули в голову, просто чтобы понять, человек ли вы. А Сима... Сима мгновенно испортит вам кровь или поделится с вами кровью. Причем ей не важно, человек ли вы...

ISBN 978-5-44-749344-8

© Демченко О.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
История первая	7
История вторая	22
Нелирическое отступление. Первый сон Уильяма Вэйна	36
История третья	40
История четвертая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

НЗ

набор землянина

Оксана Демченко

Восстановлено по мыслеархивам и беседам Симы с собой, гостями и морфом

Действующий автор – Серафима Жук

Редактор с планеты Земля – Оксана Демченко

Заказчик: закутался в плащик и напустил туману... впрочем, он всегда так делает.

© Оксана Демченко, 2016

© Nataliia Rashevskia, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Книга была выслана в качестве подарка львиному голосу сказок и фэнтэзи, Льву Булдакову в день рождения. Автор и редактор (ну да, ведь мысли-то Симины, а я только записала, находясь на Земле) благодарны всем, кто помогал им в работе:

– умеющему ходить направо и налево с песнями и сказками морфу Гаву (на Земле пребывает под агентурной кличкой Ероха). Поэтический образ этого ученого кота вы видите на обложке рядом с образом редактора (сами понимаете, поэтический – он не портретный, ага?); – умеющему выправлять бессчетные опечатки и не бросать компьютерную мышь направо и налево папе редактора, который вычистил эту книгу, как пыры – Гнилой мешок;

– Юрию Стукалову, одному из самых общительных и заинтересованных читателей книги на самиздате.

Сима с самого начала была идеей немного бредовой, но уж точно – светлой. Сима человек нерядовой, неформатный. Кто-то скажет, что Сима неумна. Но, во-первых, граждане, иди в сад. Во-вторых, побродив там, попробуйте дать определение ума. Если вы запросто справляетесь, используя Википедию... то выключите компьютер и попробуйте еще раз, родной головой. Империя вон не попробовала. И знаете, во что ей это обошлось? То-то же. Если всё же до (или после) прочтения вам важно понять, о чем эта книга... Отвечаем вдвоём с Симой: всё просто. Вы знаете, что необходимо землянину для жизни? Говорите, миллионов сто, вилла и яхта? Хм... ух и умные вы, даже без Википедии. Ага: вертолет небесного цвета со встроенным волшебником, кино и мороженное? Тоже версия. НЗ, который обозначила Сима, гораздо компактнее. Ей нравится путешествовать налегке. Хотите – присоединяйтесь.

История первая Во имя квиппы

Оптимист знает золотое правило: бывает и хуже. То есть, ну, по-простому если, ты еще не на дне, ты в процессе движения. А движение – жизнь. Что тут возразишь? Моя жизнь сплошное движение, причем сейчас ускоряется оно конкретно. Аж в ушах свистит...

Дзынь! Не знаю, за что мама любила эту бегонию. Некоторые родители нежно заботятся о своих дачах с картошечкой, другие раскармливают собак. Но наш случай особенный. Уезжая в солнечную Грецию, мама рыдала из-за бегонии. Вопреки такой душевной драме, она смирила боль... и предпочла цветку – грека, в него вцепилась, ему отдала сердце, чемодан и паспорт. А бегонии только помахала прощально, окропила её слезками и строго велела нам с братом впредь поливать сиротку отстоявшейся водой.

– Это мамина бегония, – пояснила я оккупантке. Изучила труп растения и мысленно занесла в протокол: «Падение с высоты роста, повлекшее смерть по неосторожности». – Была.

Хрен докажешь умысел. Записи с камер наблюдения нет, у нас вообще дома нет даже фотоаппарата, разве – в телефоне брата. Далее: свидетелей нет. Оккупантка заявит при опросе, что отсутствовала. Убедительно, из магазина её можно выманить только звонком от родственников. Многочисленных, как морщинки у глаз, ага. Мои показания будут признаны ничтожными, поскольку я пристрастна и, вдобавок, первая подозреваемая в списке, состоящем из одного пункта.

Я искренне уважаю все нации и народности, но с некоторых пор, а именно со второй среды прошлого месяца, отдельно рассматриваю лиц армянской диаспоры. Вернее, одну жирную харю, которая въехала в нашу с братом «двушку» на правах его жены. Не совсем молодой, но внезапно и безмозгло любимой. Я окинула взглядом крепко сваренный смугловатый холодец щек новобрачной, сопящей на мертвую бегонию, как бойцовый пес – на поверженного противника. Говорят, не судите по внешности, у людей немало скрытых достоинств. Вообще-то, я и с этим согласна. Шлепнуть бы без суда... Только полицейский из меня не получился. Если ваш начальник перед аттестацией спросит вас, предусмотрено ли уставом ношение бюста четвертого размера, не стоит применять к нему меры физического воздействия. Ну – если не понятно, о чем я, то это просто. Он применил к бюсту, я к морде. Аттестацию прошел только начальник. Значит, к мордам – нельзя. Проверено практикой.

– Сама уронила, да? – намеренно уродуя слова, пробасила новобрачная и пнула труп бегонии.

– Еще при жизни я ревновала её к маме, – дала я ложные показания.

Задумалась: а ложные ли? Хотя... Не к греку же ревновать. У него там кризис, мама вон не звонит уже год. Ничего, новая радость нашей семьи свалится на маму и без звонка. Медовый месяц не состоится без восьмидесяти килограммов дегтя, вот как это называется. Грека жалко. Так что к нему я точно не ревную. Теперь.

Сходив за веником, я смела грунт в совок, поместила вместе с жертвой оккупации в газету и затем в полиэтиленовый гроб, он же мусорный пакет. Если разобраться, армянка кое в чем права. Бегония претерпела немало зверств. Брат стряхивал пепел в горшок, я забывала поливать, из форточки дуло... пусть покоится с миром.

Оккупантка, вроде бы невзначай, двинула окороками и переместила стул на мою половину кухни. И, хотя математика утверждает равенство половин, моя в территориальном смысле составляет примерно два квадратных метра, а новой семье достался утроенный кус. Люблю ли я брата, чтобы и это ему простить? Увы, не в метрах дело, не в них одних. Эта рыже-хновая стерва протирает лишь свою половину зеркала в ванной. Выносит свой мусор. Не моет полы –

я же хожу по ним! И так далее. Очень далеко так, и все далее и далее, и никогда не предвидится перемен к лучшему. За минувшие недели я усвоила, что падение оптимиста на дно может быть процессом конечным.

Когда я достигну дна, будет большой шмяк. То есть я все же врежу еще по одной морде. И опять не пройду какую-нибудь аттестацию... Блин.

– Обед, – позвала я несбыточное.

– Иди на работу, да? – сразу посоветовала добрая женщина, надеясь мирно завладеть всеми квадратными метрами хотя бы часов на десять.

Неделю назад я ткнула пальцем в газету. Попала в объявление «требуются водители». Ну и вот. Мне есть, куда пойти, хотя бы сегодня.

– Пока, лярва, – ласково попрощалась я.

Грохнула дверью, чтобы заглушить визг. Как это соседи еще живы? Говорят, инфразвук убивает даже лошадь, выжившую после всасывания капли никотина.

У меня шикарная рабочая машина, кликуха – Апельсинчик. Это ржавый китаец, такой старый и малоценный, что я могу ездить домой и смело бросать оранжевый хлам у обочины. В салоне навязчиво пахнет пищей. Если по дороге на работу мне везет, на обочине находится болтливый пассажир с насморком, готовый как бы забыть в салоне пару сотен. Вообще я не настаиваю на расплате. Но люди у нас душевные и сами все понимают. Мы ж в одном городе обминаемся об эту хренову жизнь.

Апельсинчик закашлялся и приобрел паркинсон с первого поворота ключа. Я даже постучала по панели. Он сегодня заводится без боя? Ай-вай... Увы, гнать беду дробью по китайскому пластику – туфта. Но я твердо усвоила на опыте всех старых машин, контактировавших со мной: если не гадят сейчас, большой облом скоро встанет из-за горизонта в полный рост.

Телефон замяукал.

– Серафима, ты мне не сестра, – прошипел в трубку младшенький.

– Мама раскололась?

– Сима... это подло. Счастье брата тебе что, поперек горла? Ты вообще не в себе, а последний год на людей бросаешься. Ты...

– Сима – еврейское имя, – сообщила я сведения, полученные вчера на работе, ведь интернет дает нам знания, чтобы доставать ближних по полной. – Означает «услышанная богами». Въехал?

– Я требую, чтобы ты немедленно извинилась. Внутри тебе невыносимо стыдно, я знаю. Я вешаю трубку, а ты звонишь ей и делаешь себе же лучше. Ты в душе тонкий, ранимый и интеллигентный человек... была.

– Что сдохло, то сдохло. Хана, поздно реанимировать труп моей совести. Итак, если я Сима, то почему боги не слышат меня? Сбой связи? Алло! Эй, наверху! Брат приволок в дом чудовище! Мне негде жить, не с кем поговорить и даже тихо повеситься в туалете мне нельзя, эта дрянь стырила веревку. Она все тырит и прячет. Вчера она врезала в дверь своей комнаты замок и вообразила, что это сундук для хлама, а не часть квартиры. Ну ладно, моя веревка. Утром сгинули санки с лестничной клетки этажом выше. А ты знаешь, чьи они. Я не буду вас отмазывать.

– Какие санки? – брат сбавил тон и напрягся. – Извиняйся давай, нечего гнать пургу и тупо переводить стрелки. Может, ты их затащила куда на свалку, чтобы...

Он сдулся и притих. Все наше детство санки тырил он. И, если что, успевал улизнуть, многозначительно покосившись на сестру. Девочек не бьют, да? Особенно если у них в портфеле молоток. И он еще ноет про мою интеллигентность. Может, и было что лет до десяти. Я ж музыку любила. Только на вторую скрипку маминой зарплаты не хватило, а первую казнили у меня на глазах, образцово-показательно.

– Да, пошел ты, – примирительно попрощалась я, быстренько закругляя ссору. – Пока.

На обочине нелепой мельницей крутился такой чудной тип, что я затормозила раньше, чем идентифицировала его намерение стать пассажиром. Ей-ей, мне почудилось, что у него глаза светятся и в ногах лишний сустав. Он крутился и крутился, держа руки на манер пугала – в стороны. От него заранее отодвигались мирные горожане, тусовщики ближней остановки автобуса. Куртка этого типа была серебристая, дутая. Джинсы обтягивали мосластые ноги так, что косточки коленей можно рассмотреть в подробностях. Про обувь молчу, такие луноходы вроде вымерли еще в моем детстве. Ну, и шапка красная, вязаная, с крупным узором стилизованных северных оленей и убойным помпоном. А на вид дяде предпенсионно так, ага... Досрочно впал в маразм?

Апельсинчик дернулся и затих. В его случае отсутствие паркинсона – верный признак клинической смерти. Вчера мне на работе прозрачно намекнули про свечи и высоковольтные провода. Я им ответно закинула удочку про аванс. Ну, в общем, разошлись при своем, насухо. То есть мне очень нужен пассажир, способный уронить в бардачок хотя бы две-три сотни. Пришлось дотянуться до «мясорубки» и бодро опустить пассажирское стекло, пока маразматик не очухался и не принял к концентрату бензо-пиццы.

– До конечной метро подброшу ха-арошего человека, – намекнула я.

Он сразу всунулся в окно. Блин, смотрит на меня, как сканер на штрих-код, и молчит сосредоточенно, со смыслом. Сумка у него – кожа, и брендированная. Запах одеколona не с распродажи, а конкретная Франция. Странный тип.

– Хочу войти весь, – ровно выговаривая слова, прогудел маразматик. Или полный псих? – Весь сюда, имею разговор.

– Из нашей глуши до метро без трепа и не добраться, дорога сонная, – осторожно согласилась я, обдумывая вероятность проблем с психом.

Дядя что-то скалькулировал, высунулся наружу. Я толкнула дверь, он сразу сложился, компактно и не вполне естественно, глаз не понял движения. Но дядька уже устроился в кресле. Долго смотрел вперед и не двигался. Потом сообразил-таки закрыть дверь, причем сделал это с отчетливым недоумением.

– Не автомат?

– Механика, – согласилась я.

– Если стоять там и слушать, – бодро размечтался дядя, – буду платить сто рублей за один минут. Есть разговор.

– Длинный?

Мне до работы – час с небольшим. Недалеко, даже утром. Сегодня смена вторая, пробок особых нет: все уже доехали или еще не выехали. Запас на психа и его треп у меня – минут... то есть сразу переводим: две тысячи рублей. Это без напряга. Место людное, убивать меня тут не станут. Хотя зачем это кому-то вообще надо? Разве что братова армянка наняла киллера. Нет, вряд ли, она сперва опробует харчо с дешевым стрихнином или там крысидом. А еще с приправами, я и так от газовых атак каждый вечер убегаю на улицу. Называю это тягой к спорту. Блин, каждый раз молюсь, чтобы гантеля под руку не попала на обратном пути.

Но пока что вечерние беды не важны и далеки. Бережно поворачиваем ключ. Я Сима, боги, алло! Я на проводе, прошу зажигание и сто метров тяги до парковки. Я вам свечку за это поставлю. Может, даже «бошевскую».

Апельсинчик завелся и доехал. Я икнула. Уж не убьют ли меня к ночи? Ни одна машина не слушалась меня в этой жизни, если дело денежно важное. Я добыла телефон, повозилась и установила секундомер. То есть рублемер, в нашем случае. Копеечки закапали в тишине, пока псих не сообразил, что его разводят по-лошиному.

– Вы есть нужный объект, – бодро начал он, нагнувшись к двери и рассматривая, как музейный экспонат, ручной стеклоподъемник типа «мясорубка». – Семьи нет. Долгов нет. Судимости нет. Здоровье в порядке. Активность высокая. Склонность к насилию под замком.

– Ха... простите.

– Гибкий ум, – он не выдержал соблазна и принялся крутить ручку туда-сюда, опуская и поднимая стекло. – Предрассудков мало. Требований мало. Широкий взгляд. Очень хорошо. Очень годно. Рост средний, дыхание поверхностное до слабого.

Ручка наконец сказала «хряп», чего я и ждала с немалым интересом, затаив дыхание. Часть «мясорубки» осталась в руке психа, он немного посидел в прострации, наблюдая излом пластика. Покосился на меня, судорожно ощупал карманы и сунул мне сто долларов.

– Нет возражений?

– Да забирайте, – улыбнулась я, широким жестом отнимая у него ценный обломок и запиная ему же в карман. – Продано.

– Есть для вас работа, – сообщил он. Похоже, перешел к главному, залаял внятно, короткими фразами. – Контракт базовый версия три, упрощенная. Срок обязательной службы без права расторжения со стороны контрактуемого – семь лет в пересчете на локальное время. Срок обязательного продления при отсутствии строгих нареканий со стороны контрактатора – еще семь лет, учитывается мнение руководства габа-порта. Условия: полное обеспечение жизнедеятельности. Право на прием двух гостей одновременно. Служебный транспорт со встроенным проводителем. Статус на время службы, его локально следует понимать, как гражданство, приравнивается к «габ», ранг бер. С особыми полномочиями в сфере полномочий.

Последний словестный выкрутас меня сразил. Я даже не сразу сообразила, что не могу внятно разобрать первую букву в так называемом статусе. Если псих картавит, то его предложение выглядит наивнейшей ловушкой. Мы не г'абы, г'абы не мы – надолго ли?

– Габ, Георгий, – уточнила я. – А то послышалось не очень хорошее.

– Свобода перемещения в пределах белкового простора универсума, – возмутился пассажир, по его лицу прошла дикая волна – будто кожу приподняло. – Неограниченность прав, служащие габов статусно выше любых пассажиров, гостей и прочих посетителей. Право прямой коммуникации с габариусом сектора, при наличии обоснованной причины. Оплата, – тут он порывлся в карманах и важно показал смятые в кулаке деньги. – Один килограмм ценного у вас металла, наименование «аурум», за один локальный год исполнения контракта. Нарекания могут снизить вес вполовину, поощрения не предусмотрены за исключением исключительных случаев.

Меня опять пробило на смех. Он обожал туманить людям мозг, эти полномочия в рамках полномочий и исключения исключительных – ну сразу виден жлоб-начальник. Крыса канцелярская сумчатая. Денежками трясет перед носом, но уберет их в карман и не поделится. Знаю я таких.

И тут до меня наконец дошло про «аурум» в килограмм-годах. Нет, сундука с сокровищами я не углядела и бриллиантового дыма тоже. А вот отдельную «однушку» в экологически чистом пригороде, где не воняет харчо и скандалами...

Пассажир все понял, не такой он и шиза. Изобразил губами улыбку типа капкан – и кивнул. Значительно, без спешки. Взял из моей вялой ладони телефон, изучил цифры и остановил отсчет секунд.

– Это вопрос чести, – пафосно воззвал псих, потрясая деньгами. – Во имя квиппы я тут трачу драгоценное время свое. Ибо квиппа есть средоточение смысла жизни всякого достойного из моей расы. Оговорю особо, интересы наши не контактируют с вашей расой прямо или косвенно, нет ущерба чести в контракте.

Убрав приманку в американских рублях, пассажир еще раз изучил показания секундомера. Достал приличное портмоне с отечественными дензнаками и отсчитал тысячу сто. Бережно положил в бардачок и прижал мобильным.

– Ответ немедленно. Имею рвение закрыть отбор в течение семи часов по локальному времени, имею в запасе девять персон в статусе «приемлемо», – без выражения сообщил мой наниматель.

– Аурум... у нас по цене лома принимают.

– Несущественное замечание. Можно иметь счет в банке, ячею в хранилище. Можно оформить на любую страну, сделать эквивалент, – поморщился он, намекая на мою тупость. – Швейцария. Меня консультировали, так удобно. Мы очень надежная структура. В локальном понимании мы госслужащие. Статус габ, даже если вы не получите повышение от габбера до хотя бы габла – это полный социальный пакет и сопровождение на отдых с привилегиями.

– Габла... Названьица у вас, – поморщилась я. – Небось, и габно имеется.

– Время для ответа истекает.

– Да.

– Да – и все? – удивился он.

Ну, как ему объяснить, что сегодня вечером я эту новобрачную не убью, а вот к весне дозрею до первой судимости. Что брата я в целом не обожаю, но терять последнего члена семьи из-за того, что впал в любовный ступор и лапает вонючий целлюлитный холодец днем и ночью? Что я вообще, глобально, оптимист на грани срыва, потому что хороших людей в мире много, а мне попадаются сплошь исключения из означенного приятного правила. Причем такие – ну, полные выродки, блин.

Мой наниматель еще немного поизучал сломанный стеклоподъемник. Похлопал глазами, будто фотографируя рычаг переключения передач и приборную панель. Потер ладонью пластик руля. Наконец, горестно скривился, отказывая себе в дальнейшем содержательном безделье.

– Контракт рассмотрен двусторонне. Прошу протянуть руку ко мне. Отбываем к месту несения службы.

Я протянула и именно теперь сообразила, что понятия не имею, на что подписалась – хотя я пока не чиркнула нигде ни слова, ни крестика-нолика. Может, я самозачислилась в шпионы? Судя по оплате, я теперь Сима Бонд. И мне срочно полагается принять водки с мартини. Или без мартини.

По голове садануло так, что и без водки я ощутила все прелести глубокого похмелья. Свет погас. Тошнота включилась. Головокружение завелось с пол-пинка. Слух переколбасило особенно грубо. В гулком отдалении гнусавились сами собой распоряжения, я вроде их и не понимала, но исполняла. Вдыхала, выдыхала, шагала, стояла. Или лежала? Пьяным в помощь тяготение. Я была беспомощна.

– Раз-раз, проверка усвоения базиса, – сообщил в ухо смутно знакомый голос. – Габбер, доложите ваше состояние.

– Хреновое.

– Впредь требую указывать допустимые ответы: годен к службе или не годен, – укорил голос. – Итак, ваш статус вшит в ДНК, так понятно для вашего локального уровня знаний. Ваш сектор в габ-порту, именуемом Уги, имеет номер семь, переключение на десятичную систему счета – красный канал. Ваша форма на вас. Свод нерушимых законов, он же памятка посетителя габ-порта, в нагрудном кармане. Ваш транспорт в служебном секторе габ-отстойника. Причал семь.

Вообще-то я в детстве верила, что семь – счастливое число, но теперь начала сомневаться. «Отстойником» счастье не назовут даже в... полном габе.

Похмелье слегка подрассосалось, удалось разлепить глаза и поверить: тяготение постепенно принимает тело и ориентирует его, то есть меня, в пространстве.

Мама, и почему я не приняла предложение того старого мухомора, друга твоего замше-лого грека? Он вполне умильно сопел на мой четвертый размер бюста...

Я стою на тонкой пластине неведь чего. Со всех сторон – темно и тихо, как и должно быть в космосе, наверное. Точно не знаю, прежде мне хватало ума оставаться достаточно близко от дома. Никаких намеков на Медведиц, больших и малых, в звездном беспорядке не наблюдается. Зато совсем рядом топчется двухметровое нечто, помесь богомола с буддийским монахом. Желтые одежды с красным – ну, сами понимаете. И отпадный веревочный поясок. Богомолец – я сразу его обозвала мысленно именно так – сопит и сдирает с себя по моде Фантомаса маску, лишаясь остатков человекоподобия. Улыбается мне во все жвалы.

– Я ваш габариус, – важно клокочет и скрипит он, ни на миг не по-русски, но до изумления внятно. – Требую впредь именовать «высокий носитель Чаппа».

– Чаппи, – кивнула я, с трудом подавляя желание сесть, а лучше лечь и вцепиться в пластину. Пока не унесло меня в этот их универсум. – Высокий.

– Вот, – он поднял длинный острый палец и покачал когтем. – Габбер, идите и служите. Уточняю: у вас нет права на досрочное расторжение контракта, он же упрощенный.

Довольный собой богомолец завибрировал всем телом, хитиново заскрипел смехом. Развернул меня на месте – и часть тьмы разошлась по невидимому шву, распахнула двустворчатый портал в нормальное пространство. Аэропорт, габ-порт, как ни назови, а всяко выйдет куда уютнее, чем черный универсум за спиной. Не знаю, почему Чаппа не назвал всю безумную прорву пустоты космосом. Может, путает земные наречия? Но я уже привыкла и тоже так понимаю слово.

– Высокий Чаппа, – обернулась я, пока он не сгинул. – Почему я? Женщина, не спецназ и не академия наук. Ну, все такое, что по высшему разряду мозгов или реакций...

– Еще не забывай «носитель», важно! Почему ты? Во имя квиппы, что станет понятно, позже, – снова заскрипел он смехом. – Языки даны в базовом курсе. Думанье не дано, тут сколько есть, столько есть, мы не добавляем. Иди. Могу отметить одно. Кислород дорогой. Дыхание поверхностное. Хорошо.

Он отвернулся и удалился в универсум. Там что-то разок блеснуло. Кажется, этого сволочного богомольца ждал лимузин. И, определенно, правило бесплатного сыра применимо к любым случаям. Впрочем, – я широко улыбнулась и шагнула в габ-порт, – забраться так далеко от своих проблем я не могла и мечтать.

Створки без звука сошлись за спиной. Я стояла теперь на полупрозрачном пружинистом покрытии самого верхнего балкона какого-то титанического сооружения. Ниже кипела бездна. Сновали создания мерзкие и симпатичные, пестрые и тусклые. Носились вверх-вниз платформы типа «лифт опасный без ограждения». Метались во все стороны бешеными мухами капсулы разных размеров. Солидно ползли, мигая проблесковыми маячками, крупные контейнеры, цистерны и вообще блин – танкеры... Габ-порт жил активно и непонятно, чем мне сразу очень понравился.

Рядом прокашлялись. Я подпрыгнула от внезапности, приземляясь – или вернее пригабляясь? – на мыски и думая: земное тяготение что, универсально и всем удобно? Ну, не могло нам так повезти.

– Габрехт Ифус, с настоящего момента – в отставке, – прогудел здоровенный мужик, нависая надо мной.

Судя по роже, он наслаждался моим замешательством. Не иначе, сам по прибытии скулил почище моего и сейчас компенсировался, говнюк, за прежний вид описавшегося пуделя. Хотя пудель – не про него. Килограммов сто сорок мяса с жирком, ну и дыхание ни фига не поверхностное. Кожа оттенком похожа на тропический закат. Лилово-бурая. Глаза на выкате, рыжие с прозеленью. Мерзость.

– Не прокатит, – мстительно заявила я. Порылась в памяти. – Во имя квиппы... или как тут ругаются? А где опись имущества? А где акт приема-передачи? А ввести в курс и напутствовать бодрым словом? А проставиться?

В их поганом языке, вшитом в мою российскую ДНК, не было слова «проставиться». По-русски закатный Ифус сказанного не понял, но после упоминания квиппы скис, и прочее выслушал подавленно, синяя кожей и загнивая взглядом до беспросветной серой тоски. Снова тяжело вздохнул. Перегнулся через перила и ткнул пальцем – шестым, ага – вниз и влево.

– Там седьмой служебный, транспорт на месте, ключ-код вот, принимай. – Он деловито подал мне руку. Надо думать, ДНК тут у всех вроде записной книжки склеротика. В голове щелкнуло и я осознала прием кода. – Жилое помещение в седьмом секторе, сейчас уже заменен состав среды под локальные требования.

– А если я тебя угощу, можно получить советы бывалых неформально? – уточнила я, с ужасом изучая втиснутую мне в руки плитку, от которой чесались пальцы и оставалось невнятное понимание: полную опись имущества при должном усердии дочитают лишь внуки родичей той армянской новобрачной, всем их хреновым колхозом... и то устанут.

– Не-а, – отыгрался он. – Одно скажу, габбер. Про квиппу все подробно поймешь в своем личном деле, оно здесь, в разделе «персонал, полный реестр». Про угостить и того внятнее. Ты без средств. Я был такой же дурак, брякнул да – и выпал мне договор трешка, упрощенный. Он же жизнедеятельность без жалования.

– Блин, – сразу придавило меня пониманием. – То есть дома получу под расчет и не ранее?

– Половину обещанного, еще никому габариус не сдал того, что может вычесть по контракту. – Добил меня отставник, возвращая лицу закатную яркость оттенка и азартно рыжая взглядом. – Но я сегодня добрый. В кладовке поищи коробочку с кнопкой. Инструкция сама всосется при контакте с кожей. Это – на твои карманные расходы. Прощай, я за глупость расплатился. А тебе трубить два срока по пять универсальных циклов. – Он цокнул языком о сплошные пластины зубов или жвал. – Наша служба не опасна, не трудна и даже синту не ценна... так что мирного тебе сна на посту.

Он отвернулся, тронул тыльной стороной ладони выделенный обводкой круг на стене. Створки разошлись, и лиловый лентяй удалился в универсум. Его там ждало какое-то смутно поблескивающее транспортное средство, наверняка служебная доставка до места.

Створки сошлись. Я опять осталась одна под потолком этого синтетического мира. Огляделась внимательно, чтобы никто снова не подкрался и не заставил прыгать от удивления. Села на краю балкона – и стала смотреть. Я видела кучу фильмов про неземное. И, конечно, они были динамичнее. А здесь шумел и жужжал обыкновенный порт. Еще одно его отличие от кино было весьма существенным: он настоящий. Из него нельзя выйти через пару часов, как из кинозала. Если бы хренова новобрачная не кончила у меня на глазах мамину бегонию, я бы не завелась. Если бы Апельсинчик традиционно не завелся, я бы разминулась с фанатом квиппы или хотя бы подостыла к моменту разговора. Если бы мне не нужны были деньги на свечи и высоковольтные провода, я бы не стала слушать бред шизика. Если бы меня не выставили с прежней работы и мне чуть больше нравилась нынешняя, я бы хоть о чем задумалась. Если бы брат не позвонил...

Все перечисленное объясняет, почему я брякнула «да» и до сих пор не спешу раскаиваться. Хорошо сидеть в позе чахлого лотоса под самым стальным – или какое оно? – небом чужого мира и знать, что тут не ступала нога человека. Я первая и я горжусь, даже если не заслужила. Даже зная уже теперь, что в контракте имеется подвох, и новые поводы для сожаления еще возникнут. Но я сижу в самом ихнем небе. И мой скисший оптимизм полагает, что ему есть, куда падать. Внизу прямо бездонный улей габ-порта. Сколько надо времени, чтобы его изучить?

Я улыбнулась, похлопала себя по нагрудному карману, достала памятку и заодно изучила форму. Никакая она. Цвет серый. Примерно похоже на тренировочный костюм или легкий пилотский комбинезон без знаков отличия. Выкроено это или как-то еще изготовлено вроде

как заодно с ботинками, вполне удобными. На нагрудном кармане слева вместо пуговицы значок с хрустальным шариком в центре. При поясе несколько колец. В одно из них я сунула плитку – руки знали, что так будет правильно. Плитка послушно проткнулась и осталась закрепленной. Я развернула памятку, узкую, в один сгиб – как брошюры бюджетных туроператоров.

«Свод законов самого общего пользования. 1. Глоп всегда прав, всегда в приоритете

1.1 Кто выказал недружелюбие к глопу, подлежит уничтожению на месте силами конвенции силикатов Имперского трибунала, коллоида синтов – см. полный список в приложении.

1.2 Установление контакта с глопом есть мечта и высшее устремление разумных универсума.

2. Синт, любая его форма или проявление, вне закона.

2.1 Установление присутствия синта вознаграждается (см. список), установление надежных признаков синта или методики опознания подлежит передаче габ-центру.

2.2 Подозрение на контакт с элементами синта ведет к строгой карантинной изоляции (Империя, Дрюкель и др., см. список) или немедленной ликвидации – миры древних и далее, см. список в приложении.

3. Локальные законы действуют по месту применения, в рамках габ-портов они неактуальны.

3.1 Конфликты и наложения законов в части того, что может быть описано условно как «белковая этика» трактуются служащим габга. Мнение габбера и габла совещательно, решения габрехта рекомендательно, более высоких статусов – безусловно к исполнению.

3.2 Отказ пассажиров или иных посетителей габ-порта от предложенной трактовки ведет к их выдворению в универсум.

3.3 При рассмотрении конфликта принимается во внимание правило абстрактной справедливости и субъективного ощущения справедливости. Стоит помнить всеобщее правило: сила действия равна противодействию.

3.4 Служащие габ-порта вне порта сохраняют свои полномочия. Формально.

3.5 При неявке габ-служащего на разбор конфликта таковой конфликт разрешается вне стен габ-порта.

4. Жизнедеятельность служащего поддерживается обязательным рационом.

4.1 Применение любых средств вне рациона не рекомендуется.

4.2 Нарушение метаболизма по причине неадекватных средств ставится в вину барменам габ-порта и служащим паритетно.

4.3 Вне габ-порта служащий должен сам прилагать усилия к должному поддержанию жизнедеятельности, опираясь на ресурсы служебного транспортного средства.

5. Имущество служащего подлежит замене только по причине полного износа, подтвержденного актом коллеги.

6. Услышав нечто вроде «мне тоскливо» и тем более «тоска меня снедает», служащий обязан немедленно оповестить габ-центр, нажав на форменный знак универсума.»

Я прочла памятку еще раз. Кто такие глопы и синты? Почему цитата из сказки Пушкина, если я верно помню со школы эти слова про тоску, приравнивается в здешнем нелепом законе к ЧП? Должна ли я хоть что-то делать, если неявка служащего ничем не наказуема? Какова степень ветхости имущества, если списать любую мелочь, судя по всему, нереально? Или у них вещи вечные, бывает наверное и так.

Захотелось домой. Есть ведь в этом нелюдском муравейнике место, отведенное для моей частной жизнедеятельности. После прочтения правил думалось казенно, а саму жизнедеятельность хотелось усердно загасить до уровня здорового сна. Сколько можно глазеть на чужой мир? Я устала держать удивление под крышкой. Мне бы прямо сейчас повизжать, брякнуться

в обморок и чтобы потом меня откачали и пожалели. У меня почти паника. Только при наборе законов в шесть дурацких пунктов вряд ли моя жизнедеятельность кого-то подвигнет на жалость. Вдобавок платить за оказание помощи любого рода мне нечем. Контракт упрощенный, версия три. Для пофигистов и особо нервных дур.

Профилактически зевнув, я перегнулась через перила и стала глазеть на мельтешение в порту. Сразу завозился в мозгу бесенок и посоветовал плюнуть на их странности слюной, с высоты. Ангелок начистил хвостистому провокатору харю так, что от их драки у меня загудел череп. Но мой хранитель прав. Плевок может обойтись в полкило золота. Габариус тут жлоб. А где вы видели щедрых нанимателей? В сказках, и то посылают за шапкой-невидимкой, а после норовят отнять её вместе с головой.

Проглотив слюну, я побрела по балкону. Память постепенно включалась. И болела: в неё вдолбили много разного, пока меня перемещали сюда, не знаю куда. Сектор семь занимает пять уровней вне главной пассажирской колонны. Отсюда надо спуститься на платформах с белыми метками. Далее миновать зону пересадки правого крыла – а крылья тут вытянуты вдоль глоп-меридиана. Полкилометра пешком переть, чтобы пересесть на рыжие платформы. Зато дальше до дома будет рукой подать. Я опасливо изучила руку. Если верить новой памяти, я сама и есть свой паспорт. Приложить тыльную сторону ладони к любой идентифицирующей зоне – значит, представиться. Чипировали меня без согласия или учудили что похлеще? Кто их знает. Дрюкель – это, если я верно себя понимаю, целая галактика чиновного типа. Они все живут во имя квиппы. Перевод указанного понятия на русский не дается: оно чуждо и бесчеловечно.

Мысленно я ужаснулась масштабам галактической бюрократии, занявшей упорядоченные наборы планет у наиболее комфортабельных звезд. Воображение не мешало ногам брести к платформе. Вертикальное перемещение меня удивило. Инерции не было вообще! В законах физики я мало что понимаю, я их по большей части проспала, по меньшей вызубрила, чтобы сразу после экзамена забыть. Но сейчас могу авторитетно себе же заявить: туфта вся их гравитация. Тут вообще кругом синтетика. Дышу я тем, что полагается для жизнедеятельности, хотя не ощущаю фильтра или маски. И тяготеет надо мною то, что полагается землянину – и еще бонусным довеском головная боль переутомления.

Зона пересадки была огромна, как степь половецкая. И брели по ней, утопая в коврах-самочистах всякие орды, поганые и не очень. Я старательно их сторонилась, как гонец с донесением: друзей нет, а врагом может оказаться любой. Тем более при заявленной белковости и даже гуманоидности нашего габа, человечности ему не хватает. Число ног и рук все время не земное. Хвосты и всякие там щупальца так и норовят притаиться в ковре и коварно подсесть под колени. Может, тут не любят габберов? По крайней мере, людьми вроде не обедают. Несъедобные мы, наверно.

Утешая себя уникальностью метаболизма, я все шла и шла. Крыша мира отсюда выглядела восхитительно, почти как небо. Сиренево-зеленое, с бегучими тенями псевдо-облаков и деловито-парадным роем цветных грузов, украшенных мигалками. Степь изредка разнообразили деревца, они всеми листьями боролись с монотонностью пейзажа и заодно исполняли функцию навигаторов. Я углядела, как семья узорчатых гадов сосредоточенно ползет, ориентируясь по темным нижним листьям. А гражданин циклоп гордо шагает, следуя киванию золотых макушечных.

Степь постепенно заузилась, впереди показались колонны белого мрамора – я решила не спорить с привычными сравнениями. Зачем мне знать название материала? Я вон про деревья задумалась – и мне показали формулы какие-то. До сих пор тошно. Габбер вряд ли обязан сдавать химию. Я уж всяко откошу от этого беспредела.

Близ колонн начались места особо опасные и даже коварные. Бары и рестораны. Пахло так, что если у меня и имелся фильтр, он не справлялся. То хотелось запастись пакетом, то про-

дать последнюю рубашку и попробовать то, что они тут готовят. Уступая искушениям и икая, я брела к оплоту галактического общепита. Миражу – ну, для меня именно так.

У белых колонн начинались сплошные ряды вкусного и тошнотного, они были отмечены знаками и цветами. Память мне сообщила, что мой метаболизм будет подвергнут особо изощренной пытке в бело-голубых аллеях. Там – съедобное. Я не мазохист, кажется. Но я с упрямством ползущей через автостраду улитки брела и принимала добровольную пытку.

Вокруг теперь наблюдались более или менее люди, глазам это было приятно. Ну, немного рыжие, малость лохматые – так наши хиппи еще и пахнут, а эти нет. Или сиреневые с лысыми в темную крапину – так вроде шесть пунктов правил такую расцветку не запрещают. Как и любую иную.

Я широко улыбнулась, впервые осознав прелесть закона самого общего пользования. Можно быть любимым. Можно вообще почти все! Реальные ограничения вшиты в ДНК. А предрассудки тут вне закона. Именно за их демонстрацию и выставляют остыть – в универсум. Наверняка где-то в локальных мирах те милые беловолосые великаны могут быть жертвами фобии со стороны угрюмо зыркающих зеленых карликов. Черные толстяки – они так и кажутся поборниками геноцида против во-он тех чудачков в перьях. Но в пределах зоны пересадки все натянуто раскланиваются и резко сворачивают в противоположные заведения – или шагают прямо, каменно игнорируя врагов. Кстати: на мою серую форму давят косяка по полной. Двое вообще сразу отвернулись и убежали, высоко вскидывая козлиные копыта... да у них и рога есть!

– Чур меня, – с выражением буркнула я.

Села на бесплатную лавочку посреди улицы, в тени бесплатного дерева. И стала бесплатно нюхать, глотать слюну, на халяву глазеть и радоваться, что этого мне никто не запретит. Настроение стремилось вверх, как градус крепости в грамотно пьющей компании. Я улыбалась, иногда махала рукой особо дружелюбным на вид нелюдям. И почти людям, им, как мне, нравилось находить среди харь – лицо.

А потом меня заклинило прямо на середине движения. Смотрелось это со стороны, как старческий прострел. Я замерла, уставясь в одну точку и перестала тратить ценный кислород.

Никогда и ни один взгляд не изливал на меня такую вселенскую, безмерную горечь. При чем назначался яд не мне, человек меня и не заметил, он разогнулся на миг, вроде попробовал вынырнуть из отчаяния – и снова оказался с головой накрыт черными волнами. Именно человек! Лет сорока на вид. Метр восемьдесят с небольшим. Внешность – помесь славянина с азиатом, от первого скуластость и общий неплоский рельеф лица, от второго – разрез глаз и оттенок кожи. Волосы темные, с красноватым отливом, слегка волнистые. Я бы не отравилась чужой болью, если бы он оказался менее человеком, а так взгляд сам выделил фигуру из парада уродов, сам увлекся и сопроводил... Я придерживаюсь широких взглядов. Это у брата заморочки, он думает, что шеф его гнобит – ведь шеф еврей. А я брата третирую, потому что я – Сима? Причины удобно размещать вне себя. Это дает возможность быть правым, даже когда ты по уши в вонючем и твердо знаешь, что сам забрел, без Изи Сусанина или Ахмеда Али-Бабаевича в роли злобного проводника.

Вокруг не уроды. Умом понимаю. Глазами ищу привычное и сразу приписываю людям избыток красоты и доброты. Я и этому типу хотела улыбнуться, но тут он выплеснул на улицу ведро отчаяния и побрел тонуть дальше. Я рванула следом. Даже странно: у меня нет медали за спасение на водах, и тут не выдадут такую, зачем бы напрягаться?

– Простите, – я догнала его и дернула за рукав.

– Прощаю, – он обернулся и изучил носительницу неизвестной вины. Прищурился, как будто близорукость мешала выявить на моей физиономии покаяние, которое отсутствовало. – Дальше.

– Все, – сдулась я и уставилась в травянистый пол.

У него были глаза безумной черноты, словно сам их хренов универсум подглядывал за мной. По спине продрамоло холодом. Лоб вспотел. Головокружение дополнило позор мой, вынудив второй рукой вцепиться в незнакомца. Симптомы атипичной пневмонии, влюбленности и острого осознания своей глупости – идентичны. Я однажды зареклась жалеть мужчин. Это делает меня уязвимой.

– Первый день на новом месте? – незнакомец сразу поставил верный диагноз. Из его взгляда магически сгинула горечь. – О, как интересно. Жар сильный, но не опасно. Мысли комком, что даже на пользу. Страх нет – а это уже занятно. Какой у тебя контракт? Судя по сопению – трешка. Идем, украсим день выпивкой. Ты не пробовала «черную звезду»? Глупый вопрос...

Он рассмеялся. Я вынужденно прервала изучение травы: меня за плечи толкали куда-то, и надо было ведь знать, куда.

– Назови не задумываясь свое настроение в этот миг, – шепнул в ухо голос незнакомца.

– Любопытство и тоска, смешать, но не взбалтывать, – вякнула я.

Знать бы, почему? Этот их свод законом крепко меня заклинил на теме Пушкина. Ну и дом... Когда вокруг стало шумно, тесно и безлюдно, пусть и гуманоидно – я поняла, что могу простить брату даже его армянку. Однажды. И что маму не увижу четырнадцать лет! Еще хрен знает, сколько всего враз навалилось. На плечи деликатно надавили, я рухнула в кресло и оно меня обняло так назойливо, что захотелось вскочить. Кресло-маньяк, осознав сопротивление, старательно притворилось простой мебелью. Незнакомец устроился напротив, требовательно постучал пальцами по подлокотнику. Из пола вырос молоденький лес и погасил шум, вмиг отгородив нас от здешней густозаселенной бесчеловечности.

Из зарослей вынырнул яркий «павлин» на страусиных лапах. То есть он был почти человек, только тощее скелета и с чудовищным многоцветным «ирокезом» на голове.

– Два бокала к «черной звезде», габберу сочный десерт. Напиток повторить по запросу, – велел незнакомец.

Он подал руку официанту, я синхронно уронила челюсть: держит, будто манерная светская дама – для целования запястья. Павлин улыбнулся беззубым ротиком, приложил свою ладонь тыльной стороной и считал данные. Вряд ли здесь принято за руку здороваться с незнакомыми и случайными существами. Прочтут все, а то и скопируют. Деньги стырят. Я глупо улыбнулась: а у меня воровать нечего. Облом жуликам.

– Зови меня Тэй, – представился кормилец.

– Сима. Серафима то есть. Нет, Сима.

– Себя ты запутала, меня – нет, – подмигнул он. – Первый раз вижу человека, первый день живущего в таком средоточении безумств и при этом не забившегося в угол. Это невероятно занятно. Я буду несколько назойлив, но я желал бы получить право на ближайшие три часа, это самое меньшее. Осмотр порта, конечно же, внешний вид с прогулочного катера. Ужин в баре «Дно», сейчас проверю, можно ли заказать. Все ответы, какие у меня есть, будут предоставлены.

– Мать твою звали Тереза? – буркнула я. – Или ты из общества защиты дур и кормления голодных пришелиц?

– Человеческая психология – мое хобби, – соврал кормилец.

Улыбка у него, между прочим, дьявольская. Так и растягивает губы в ответном обожании, я тупею хуже коровы... сейчас начну хихикать. И верить в каждое слово.

– Пойду-ка я. Пока глупостей не стало многовато. Извини, это все слишком.

– Но я ведь уже извинил тебя, – возмутился он. – Что не так?

– Все! От утренней дохлой бегонии и до живой меня – тут. Если как следует себя ущипнуть, можно проснуться в тихой лечебнице, с надеждой на полное восстановление психики.

– Психика в порядке, даже слишком, – отмахнулся он. – Шока нет, имеется некий добровольный блок по эмоциям и поза... Как можно бояться показаться глупой, если ты не глупа? И зачем вообще казаться? Мы столкнулись посреди габа, где пересекаются раз в жизни пути, не способные пересечься. Завтра у тебя начнется рутинная работа. У меня тоже будет много вато дел. Три-четыре часа трепа, отдых от забот в приятной и неожиданной компании. Вот и все. Полагаю, дважды наши пути не сойдутся. Я редко повторяю маршруты. Ты вряд ли отсюда выберешься хоть куда.

– Мне нечем платить, – буркнула я, краснея.

– За мое любопытство? Так это мой счет, нет предмета для спора, – отмахнулся он. – Сима, я не желаю тратить время попусту. У тебя есть вопросы. Я хочу их слушать. Это интересно.

– Глупые.

– Неожиданные. Непохожие. С чего начнем?

Павлин вывернулся из зарослей, примерился и аккуратно, придерживая обеими ладонями, воткнул в столик тонкое копьё. Или иглу-переросток? На верхнем конце вспыхнуло крошечное солнце, фиолетовое-бурое в темном ореоле. Это было красиво и загадочно. Павлин извернулся, второй парой рук – а они имелись, я лишь теперь заметила! – повесил возле солнца два шара. Порылся за зарослями, добыл пару невесомых искристых нитей из крошечных прозрачных кристаллов, укрепил кончиками на шарах. Поставил на стол бокалы, значительно поклонился и движением всех четырех рук запустил шары в полет. Планетарная система спиртоперегонки заработала. Павлин снова поклонился, отчего его прическа погнала ветерок по зарослям – и сгинул.

– Так называемых черных звезд поблизости немного, – сообщил Тэй. Изучил движение шариков и повел бровью. – Это система Кайт. Угадав с первой попытки, я получу второй набор планет-чаш бесплатно. Превосходное правило в этом заведении, не так ли?

Тэй поднял бокал, поместил под цепочкой из кристаллов и нацедил из ничего жидкость – прозрачную, с легким остаточным свечением. Цепочка оставалась натянутой, хотя шары-планеты кружили по орбитам возле своей звезды. Хотя стержень под звездой должен был наматывать цепочки на себя. Я получила бокал и проигнорировала без рассуждений пункт четыре из памятки – про метаболизм. Мы, если что, паритетно виновны, я и бармен. Опять же, когда так красиво травят, надо пить. Даже яд. Очень вкусный, темного терпкий, бьющий в голову сильнее шампанского и сразу, волной, уносящий опьянение.

Каждый глоток – погружение в невесомость без мыслей. Затем мгновенное всплытие с невероятно ясной головой и такой кристальной трезвостью, какой не бывает в жизни. И снова невесомость. Пока я пью, глаза у Тэя бездонные. Трезвея, я вижу их обычными. Черт он, ну как есть – черт. Высшего полета.

– У тебя есть хвост?

– Нет, наверное, – он поперхнулся своей порцией напитка и замер, шурясь от недоумения. – Умеешь задавать вопросы. Жаль, я спешу. Надо бы задержаться и послушать еще денек.

– Зачем ты лжешь мне?

– Зачем бы мне это делать, вот уж вопрос, – честность его взгляда сделалась прозрачнее байкальской воды.

– Ты сказал, что в этом габе ты впервые, – начала я, хлебая концентрат опьянения и сразу трезвея. Восхитительно. Мысли прыгают и снова выстраиваются в надежную цепочку. Не путаются, совсем как хрустальные подвески, парящие кометными хвостами за своими планетами-шарами. – Но ты сразу выбрал ресторан и сделал заказ, зная правило с угадкой. Ты упомянул бар «Дно», модное место, да? Ты знаешь эту систему звезд, хотя не бываешь дважды вблизи одного и того же места. Ты мне врешь. Не со зла, просто недоговариваешь. Зачем?

Может, он бы и сказал правду. Еще вероятнее, он бы встал и ушел, я заметила, как взгляд на миг погас и спрятался от меня. Но явился официант и дал время молча обдумать отказ от ответа. Десерт смотрелся привычно, я почти разочаровалась. Тортик а-ля фруктовый взрыв. И ложка в салфетке. Факт сходства столовых приборов с земными меня уничтожил. Вот если бы крестная Золушки не наколдовала ей платье, а матерьясь, добыла в ателье, приложив в ухо нерадивую закройщицу, у крестницы был бы тот же вид, что у меня теперь. Тэй рассмеялся и передумал спастись бегством от вопросов.

– Врать глупо, – вздохнул он. – Давай так. Я плачу, заказываю катер и все объясняю о правилах габа. Поэтому я отвечаю на те вопросы, которые мне удобны. Если законы вероятности нарушатся, однажды я снова окажусь здесь и счет оплатишь ты... – Он хитро взвел бровь, – тогда, так и быть, вопросы буду задавать я.

– Ну, знаешь, – поразила я. – В этой игре что, всегда одни ворота?

– Да. – Он откровенно ехидничал и был собою доволен, я едва могла поверить, что именно этот тип недавно облил меня ведром отборного отчаяния. – Еще вопросы.

Я достала памятку с законами. Ткнула в первый и второй пункты.

– Глоп рано или поздно появится, это не объяснить, при этом надо присутствовать, – отмахнулся он. – Через ваш габ проходит наиболее релевантная трасса глоп-фактора. Что такое синт, не знали в точности сами составители этой памятки, да и сейчас ясности не прибавилось. Есть мнение, что базис синта – коллоидная система с неограниченным потенциалом изменчивости при взаимодействии с объектом. По мне – глупое определение. Чем бы ни был синт, он... оно разумно и не природно по происхождению. Оно якобы распространено в закрытом секторе универсума, граница довольно далеко отсюда. Со стороны Дрюккеля там карантин с тяжелым вооружением и тройная система сигнализации о проникновении. Со стороны свободных ИА не пройти, они вещь в себе. Далее – научная карантинно-исследовательская зона. Синт не проникает за границу, такой договор был достигнут – и он вроде бы соблюдается. Смысл закона мне не понятен. Тем более я не знаю даже в истории ни единого случая агрессии синта.

– На чем основан страх?

– Говорят, оно бессмертно, всемогуще и всепроникающе, – страшным шепотом сообщил Тэй. Пожал плечами. – Три повода для зависти. Так?

– Тогда я думаю, «тоска» – любимое слово несчастного синта, – пригорюнилась я. В голове после бокала «черной звезды» порхали мысли, и каждая чуть щекотала череп изнутри. Приятно. – Оно и повеситься, если что, не сможет. Ему нельзя умереть, обновиться и даже не отоспаться. Ужас.

– Ужас, – сразу согласился Тэй. Внимательно на меня посмотрел. – А не нужен нам второй бокал, развезет. Ну-ка, встали и вперед, на катер. Не воруй ложку, что за поведение.

– На память.

– Опыянение должно пройти через полминуты. Тебе станет стыдно.

– Не стырю – не станет.

– Логично, – поразился Тэй, сунул ложку мне в нагрудный карман, подумал и утянул себе в карман одну из спиртовых планет. – Тогда бегом, да?

Стыдно стало в точности по расписанию, я успела домчаться до начала улицы, хихикая и размахивая трофеем. И там меня скрутило. Брат прав, у меня есть совесть. Я её, заразу, хороню как вампира, в закрытом гробу, и тычу в спину осиновым колом. А она воскресает. Я делаюсь глупая, жалкая и смешная... До самого причала катеров я твердила, что павлин из-за меня потеряет премию, что я на службе и престиж дороже квишпы. Что подстрекательство к краже у нас дома наказуемо, и Тэй теперь пособник. Что у него нет совести, потому что ржать навряд коня, когда рядом рыдают белугой, бесчеловечно.

– Похмелье закончится через полминуты, – сообщил всезнайка, пристегнув меня к очередному озабоченному креслу.

– У вас тут вся мебель с задвигом? Лезет обжиматься, блин.

– Почти вся. Но поддается регулировке. У тебя есть вопросы, пока координатор габа рассматривает запрос на полет?

– Почему меня выбрали на эту работу? Вот не надо так смотреть, я хочу честный ответ. Я знаю, что мне не понравится. Но лучше теперь, чем потом. Позже будет, как эта хрень с синт-заморочками. Только тоска. Но я не бессмертная, могу и повеситься.

– Не можешь. Не твой тип поведения. Но – хорошо. Честно. – Он виновато отвернулся. – Этот габ называется «Уги», он в сфере влияния двух сил, активно желающих делить власть. Прочие может быть и не слабее, но им смешна возня в грязи. Дрюкель и Империя по очереди назначают служащих. Дрюкель всегда выбирает по незыблемому для их логики правилу: во имя квиппы. Квиппа, если сильно упростить – птичка, галочка, знак в графе наличия. Смысл жизни носителя – создать упорядоченность, расставить квиппы. То есть каждый служащий должен быть так мал и слаб, чтобы не нарушить собой структуру рутины. В то же время он обязан выдержать минимум требований: шок или полный слом воли, расстройство ума от перегрузки новым – это позор для носителя, расставляющего квиппы. Ты выбрана, не обижайся, потому, что тебя сочли энергичной неудачницей. Ты, вероятно, не училась, где хотела, но все же училась. Не работала, где мечтала, или ушла оттуда без боя – но продолжила поиск работы. Ты, по мнению чиновника из Дрюкеля – не боец, а крепкая квиппа, которая никогда не высунется из своей клеточки. Не причинит беспокойства, не нарушит... симметрию. Твое дело – ничего не делать. Габ предельно автоматизирован. Он живет сам по себе.

Нам дали разрешение на взлет, катер отвалил от причала, торжественно выплыл в черноту и пустоту. Наверное, там было красиво. Величественно. По уму, я должна была разинуть рот и глазеть, благоговей. Но я сопела, моргала и злилась. Бедняга Тэй что-то умное твердил про особенное место всякого габа, про тоннельные переходы и разгонные возможности пространственных аномалий, которые в универсуме все на учете и каждую удобную, как надстройка, венчает габ. Я не слушала и не смотрела. Лучше бы он соврал. Ну почему этот умный дурак не соврал, когда стоило бы? Теперь я сижу и думаю: он тут распинается потому, что ему занятно наблюдать выбор Дрюкеля. Я – типичный пример. Вот так. Дура с упрощенным контрактом типа три. Сколько раз я твердила себе, что верить людям – больно. Что каждый раз мне попадаются исключения из правил, и худшие. Этот тип с красивыми глазами и приятным голосом – тоже исключение. Он внутри холоднее универсума. Он не врал про психолога и хобби. Он никогда не задаст вопросов, потому что ему не интересны ответы. Ему занятна лишь моя реакция на новое.

– Сима, хватит злиться, – тихо попросил Тэй, когда катер снова замер у причала. – Ты просила. Я сказал. Тебе нельзя угодить.

– Три часа прошли? Тут время в каких часах вымеряется?

– Осредненных, – вздохнул он. – Все служащие знают время, если хотят знать.

– Значит, прошли.

– Мы не пойдем в бар, – догадался всезнайка. – Тогда давай прогуляемся до твоего служебного транспорта. Хочу глянуть вживую. Признаю, я не видел подлинных «Стрел» очень давно. Легендарный корабль, почти неограниченные возможности на малых дистанциях. Пожалуйста.

Я повелась на «пожалуйста», как дитя – на порцию эскимо. Повела хитрого дядю маньяка в темный сарай сама. Дядя маньяк сопел, как я недавно. Предвкушал. Добравшись до седьмого причала, я испытала ни с чем не сравнимое удовольствие. Как у Тэя вытянулось лицо... А как он рот раскрыл и икнул!

– Это же хлам, – отмолчав свое, сообщил он.

Хорошо не понимать ничего в их технике. Я посмотрела на корабль. Вроде слегка похож на пепелац из старого советского фильма. Очень маленький. Пузатенький. Смешной. Можно звать его «Апельсинчик», он рыжий от ржавчины или загадочного налета.

– Немедленно нажми сюда, – велел Тэй, поворачивая мою руку запястьем вверх и показывая на точку пульса. – Скажи: заявляю габариусу о несовпадении транспортного средства с указанным в акте. Живо!

Я исполнила. Довольно долго ничего не происходило. Затем в голове щелкнул ответ.

– Он сказал, что внес изменения, – хихикая и рассматривая «Апельсинчик», сообщила я. – В акт. Сразу. Что комиссия все решит без меня по делу о хищении. И мне дали сто грамм золота за бдительность. Черт, а я думала, тут не воруют... Это же коррупция. Это же я дома, блин! Это же жизнь есть и в универсуме.

Меня трясло от хохота, Тэй смотрел и каменел лицом, затем принялся суетиться, нашептывая про шок и ослабленный метаболизм. Зря. Мне как раз стало, наконец – взаправду хорошо. Мир не идеален. Мой габариус Чаппи – он и есть дешевая, распоследняя квиппа. Галка, намалеванная на заборе следом за словом из трех букв. Это он ничтожество, а я... Еще посмотрим.

– Новый корабль не выменять на это? – стараясь не показать издевку, серьезно спросила я. – Ма-аленький такой. Катерок.

– На это? – Тэя аж перекосило. – Никогда. Ты заперта в габе, выхода нет. Сочувствую. При контракте трешке без жалования можно мечтать лишь о несбыточном чуде сектора ИА. Но лучше не мечтай, глупо. Там не соглашаются открывать люки после гибели расы кэф. Никому не открывают.

– А что их погубило? Кефилов этих...

– Старость, – огрызнулся Тэй. – Кэф – легенда из времен, когда глопы были иными и синт вроде лишь создавался. Мы не знаем облика кэфов, данных по интеллекту и основ той связи, какая их роднила с кораблями.

Он прислушался к себе и виновато вздохнул.

– Мне пора. Дают разрешение на вылет, срочность велика и они расстарались, нашли окошко пораньше. Сходила бы ты в бар «Дно». Ужин заказан.

– Я сыта. Спасибо за то, что нянькался и извел время.

– Это мне надо говорить спасибо, – он прищурился и погрозил пальцем. – Я не страдаю потерей памяти, и свое настроение в момент до первого «извини» знаю очень точно. Хорошо улетать без тяжести на душе. Не огорчайся, дел у тебя полно и внутри габа. Может, я попробую дернуть кое-кого, и эту пародию на корабль все же спишут.

– Во имя квиппы? Ха, никогда. Чаппи удавится.

– Но есть еще и финальная кай-квиппа, – важно сообщил он. – Добро пожаловать на новое место. Не жалеешь о своем контракте?

– Нет.

Он чуть поклонился и пошел прочь. А я улыбалась такая расслабленная, добрая после похмелья и самоедства. Этот холодный тип задал вопрос. Ему хоть разок, а стало интересно. Значит, я точно не безнадежная неудачница. И я пойду в бар. Буду есть, сколько там оплачено, и тарелку вылижу, протру и стырю. На память.

История вторая Гюльчатый

Проснулась я в обнимку с тщательно вылизанной тарелкой. В ботинках. В форме. Стыдно мне не было. На работу я не спешила. До маловероятной зарплаты – четырнадцать лет! Значит, я делаю то, что пожелаю и когда пожелаю. Во имя их хреновой квиппы.

Если верить встроенным часам, сутки «красного» – десятичного – учетного варианта тут делятся на двадцать осредненных долей. Углубляться в подробности не надо, умного тут до фига, а голова у меня одна. Оборона от шока – это оборона от информации. Двадцать часов, вот и весь сказ. Теперь тикает час десятый. Полдень. Метаболизм жаждет ускориться. Изжога ничего не жаждет, ей как раз всего вдоволь.

Память подтолкнула меня к кухонному блоку. Привычные три квадратных метра. Кнопка над столиком, ну прямо для подопытных обезьянок, все примитивно: нажми и жди банан. Я не тупее обезьяны даже после гульбы в загадочном «Дне», о котором помню лишь, что там темно, шумно и тесно.

Кнопка нажалась мягко, без ржавого лязга и скрипа. А чего я должна ждать, транспорт-то уже осмотрела. Место для личной моей жизнедеятельности подстать. Две комнатухи субкомпактного размера. Коечки для тощих в каждой. Я имею право на двух гостей, это значит, второго либо под бок – либо в кладовку. А где она?

Под кнопкой разверзлась щель. Выехал язык подноса. Тарелка стандартная серая содержала пюре стандартное серое. Стакан стандартный серый наполнен прозрачным, но от стенок и оно вроде – сероватое. Бррр... На вкус я проверила средство поддержания жизнедеятельности, лишь старательно зажмурившись. Лучше, чем ожидалось. Похоже на суфле. Изжогу убивает на раз. Напиток пресный, но утоляет жажду. Надоест эта диета быстро, но, если повезет, к тому времени я научусь брать взятки и шантажировать Чаппу. Или добыюощрения, что наименее реально.

Кладовка типа «конура собачья» обнаружилась в правой стене мини-кухни. Я заползла туда на четвереньках, громко матеря Чаппу. Надеюсь, он подглядывал за моей частной жизнью и смог осуществить адекватный перевод. Пусть думает, что такое собачий корм с педальным приводом. Это самое доступное из сказанного.

Куб с кнопкой – наследство лилового габрехта – валялся в самом дальнем углу. Инструкция, как и обещано, всосалась сразу. Она была древней и виделась воспаленному воображению истрепанным листком с надписями от руки.

«Коллега по несчастью! Ты, как и все твои предшественники, приходишь из миров, отгороженных от взрослого универсума силовым барьером. На сленге твой и мой сектор – «детсад для слаборазвитых». Не стоит обижаться, все цивилизации и расы однажды рождаются, агукая, выползают из нещер, палят сперва пороховые, а затем ядерные спички. Гадят в родном доме и зарятся на чужие игрушки. Это значит, что однажды мы и подобные нам станем взрослыми, будем рулить политикой галактик, содержать систему габов. А эти, нынешние – состарятся и уйдут на пенсию.

Весь мир вокруг тебя – наше нескорое грядущее, не идеальное, но вполне милое. Прими его и гордись: ты адаптируешься быстрее и полнее, чем дрюкель и тем более – имперец. Ты, как любой из нас, приходишь из социума, находящегося в нестабильном состоянии. Нет ценностей, нет идеалов, нет вектора развития. За это нас презирают. И нам же завидуют. У нас в активе: здоровый скептицизм, ирония и умение воспринимать самые разные воззрения без отвращения и восторга. Нас оскорбляют третьим контрактом? Нет. Они не дают нам

доступна к средствам, потому что мы слишком ловкие. И – ленивые. Несочетаемое в иных смешано в нас – и взрывоопасно. Но это ты еще поймешь.

Мой дар тебе и всем иным, кто нанят по третьему контракту после меня, нельзя вынести из кладовки. Я долго работал над этим ограничением, все же я провел в габе двенадцать сроков по пять циклов, это своеобразный рекорд. Нажав кнопку, ты сможешь упаковывать кислород (полагаю, это и твой окислитель, иначе – прости, но куб не для тебя) в твердую сверхкомпактную форму, удобную для реализации.

Поясняю: пока у тебя нет гостей, и ты не бегаешь весь день, не жжешь костров – излишек по умолчанию списывается на счет службы габариуса. После нажатия кнопки кислород, не израсходованный тобою, до последней молекулы упаковывается и хранится в этой кладовой. Брикеты стандартной массы законно обмениваются на энергон, эквивалент ценности. Бери и пользуйся. В мое время внимания стоил бар «Дно». Надеюсь, это дивное место не исчерпало свою прелесть.

Не желаю покоя, если тебе это и ценно – ты не стоишь пожеланий. Верь инстинктам. Ради нашей спонтанности замыслен найм из сектора за барьером. И даже дрюкел с их служением квинте не могут изменить первоначального замысла, если мы сами не дадим слабину».

Я расхохоталась. Лиловый пройдоха продал кому-то транспорт и наверняка совершил еще массу злостных деяний. Но даже он не смог вынести куб из кладовой. Как же, оставил мне подарок. Да он, небось, год пыхтел, стремясь избавиться меня от надежд на наследство! Я нажала кнопку на кубе. Ничего не произошло. Хорошая техника не паркенсонит. Значит, либо это стоящая вещь, либо я по-прежнему без наличных.

Порывшись в голове, я нашла там вместилище рабочих материалов. Они всплывали перед глазами, стоило им позволить всплыть. Лиловый пофигист уже цикла три не появлялся на службе. Ему исправно отсылали данные обо всех происшествиях их сферы полномочий габинспекции. Архив достался мне нераспакованным и таким ему быть еще долго. Я просмотрела лишь последние сообщения.

«Сектор три, правое крыло. Драка в пятом сине-желтом пищевом коридоре. Рекомендация: изучение мотивов. По умолчанию наказание: удаление из габа всех участников инцидента». Что они там, флаг Украины порвали? Надо глянуть. Ночью было дело, никого еще не выселили.

«Сектор первый, у причалов. Обнаружен сейф со знаком империи. Вскрытый. Рекомендация: не вмешиваться». Предельно ясно.

«Сектор два, правое крыло. Потерянный ребенок, предположительно у младенца шок. Рекомендация: срочное вмешательство». Отправлено полчаса назад.

Представив себе брошенного младенца посреди этого вселенского дурдома, я подхватила и помчалась на помощь. В нагрудном кармане билась и позвякивала ложка. Я добыла трофей. Уже близ белых колонн осознала глупость своего вида – габбер с ложкой наголо – и принялась хлопать себя по бокам, проверяя все карманы. Нашупала слева сумочку при поясе – это из-за неё за ночь так разболелись ребра? Открыла. Внутри лихорадочно колотился уворованный Тэм шар из коктейля «черная звезда». Я засунула в сумочку ложку, сколько влезло, черенок остался снаружи. Ну и пусть. Все равно удобнее бежать, когда руки свободны.

Сегодня я уже соображаю: деревья растут организованно и отмечают границы секторов. Близ второго, далеко впереди, вьются автоматические устройства службы порта. Умные, высокотехнологичные и пока не способные совладать с проблемой младенца.

Я домчалась до деревьев, затормозила, обнимая ствол ближнего. Всмотрелась – и нечаянно прикусила язык.

Младенец уже нагулял до тонны веса. Милый такой, розовенький динозаврик с толстыми лапами, массивным горбом и маленькой головой над треугольной шеей, сходящейся к челю-

стям. Младенец ревел басом, валялся на боку и болтал тумбами своих дитячьих ножек, сшибая то одно автоматическое устройство, то другое. Ударопрочные сотрудики габа разлетались со свистом, чтобы немного отдохнуть на безопасном удалении и вернуться.

– Блин, у меня одна попытка, – прикинула я, изучая паникующего дино-младенца.

Рядом завис автомат, вежливо пожужжал и сообщил на местном наречии, воспринимаемом со вчерашнего дня, как родное:

– Опасность.

– Где безответственная семья? – возмутилась я.

Представить, что тоннажного дитятю не заметили родные, было сложно.

– Нет понимания. Эта раса имеет приоритет и всегда использует причал для особых гостей. Не можем считать данные о маршруте полета, не можем идентифицировать младенца, – отозвался автомат. – Пустует стандартная зона опознания.

– Панцирь толстый, – предположила я. – Надо искать мягкое место. Или специальный вывод для считывания. Что эти твари едят? Вкусное для них – что? Выясни и добудь. Только не вой, всем отключить мигалки и мотать вон туда, в тени. Вы ж его доведете до разрыва сердца.

– Одно разорвано, мы отследили опасное повреждение, – в тоне зазвенела напряженность. – Причинение вреда разумному. Нарушение закона. Габ-служба виновна. Причинение вреда младенцу. Приоритет два.

– А первый? – удивилась я.

– Убийство опекаемого во время пересадки.

– Во блин... В сад, короче, все в сад. Оцепить нахрен периметр. Убрать зевак к чертовой матери за горизонт. Кто вякнет хоть слово – ему же хуже.

Младенец мотал хвостом и верещал, заглушая сирены. Автомат висел, шелкал и балдел от указаний. Я мысленно попрощалась с жизнью, зарплатой и пенсией, добыла из кармана при поясе шарик и пошла к младенцу. Дома сегодня пятница, наверное. Время наилучшее для вымирания дур, если верить в приметы.

– Та-та-та, – воркующим тоном проблеяла я. – А кто это у нас такой красивый? А кто это у нас такой взрослый?

Дино-младенец вломил хвостом в шаг от меня, скопил траву и оборвал разговор. Память вздрогнула от этого удара вместе с поверхностью поля, поднапряглась и выдала справку.

«Трипсы – древняя раса долгожителей. Крайне миролюбивы. Не переносят шума, если не сами его производят. Редко обзаводятся потомством и возвращают детей долго, до 80—100 циклов, под присмотром старших и при донорстве мозговой активности. За это время во все пять разделов головного, грудного и спинного мозга потомка проецируется личность родителя и мудрых наставников. Без присмотра дети дезориентируются, теряют настройку и деградируют до уровня несущественно малой разумности».

– Всегда есть место для ухудшения ситуации, – оптимистично сказала я себе.

Понятно, что дитятя сперва отстал, затем дезориентировался и резво приступил к этапу деградации, для которого нам, двуногим, обычно требуется спиртное. Он обошелся без допинга. Когда автоматы прилетели и врубили сирену, малой съехал с катушек мгновенно.

– Спокойно, – посоветовала я себе. – Памятник тебе так и так не поставят. Иди и формируй зрительный контакт, зрительный, а не физический, дура.

Трипс взревел особенно буйно и подавился, притих. Я встала на четвереньки и бодро поползла к голове младенца, которая была чуть мельче моего домашнего шкафа. Глаза у трипса красивые. Лазоревые, ясные, все пять. Как мне, блин, моими двумя уставиться в его пять? Ну, как? Я выбрала верхний и мысленно произвела в главные. Память что-то попробовала вякнуть, но кто её слушал?

Дино-младенец при виде ползущей тети обалдел. Даже притих. И зажмурил, зараза, выбранный мною глаз. Потом следующий. И еще один. В два последних открытых – по правому борту шкафа – я смотрела, повернув голову горизонтально.

– Ы-ыыы, – пожаловался дитятя.

– Ы-ыыы, – поддержала я.

Не знаю, что мне скажут его родители, если я доживу до скандала. Но вряд ли древняя раса будет в восторге от такого донора. Я ж ему думала про коктейль «черная звезда». Это было свежо в памяти и красиво. Шарик-планета зажат в руке. Динозаврик приоткрыл третий глаз и уставился на игрушку. Мать-перемать! У него еще и щупальца. Одно вытянулось и лишило меня честно уворованного Тэем имущества.

– Ы-ыыы! – более требовательно сообщил малыш и вломил хвостом прицельно – в метре от тети.

– Ему метаболизм позволяет лакать «черную звезду»? – вслух запаниковала я.

– Нейтрально, – вякнул автомат из тени.

– Тащи со свистом! Всю систему, блин, бармена за шкирку, столик в охапку – и чтобы гурчало и блямкало.

– Ы-ыыы! Ы-ыыы! Ы-ыыы! – дитятя вошел во вкус и капризничал.

Вопрос жизни и смерти: сколько его уму сейчас? Года три в пересчете на человечьи, пожалуй. Подмигнул мне – это хорошо, это уже насмешка, это лет пять. Или все шесть. Не прибьет, пожалуй. Я подползла ближе и осторожно погладила морду у ноздри.

– Потерялся, а все шумят, бедняжечка, – зашептала я. – Как тебя зовут? Я Сима. Лежи тихо, я подумаю тебе мультик про мамонтенка. Там песенка красивая.

Из мультика я помнила треть, не более. И то урывками. Дитятя ыкал, сопел и радовался. Судя по головной боли, вытягивал он из меня куда больше, чем я сознательно отдавала. Оно и понятно, этот тип в мозговом вскармливании профи, в отличие от меня.

Автоматика тут – заглядение. Не тупая и не тормознутая. Уже приволокли тощего бармена. Я почти уверена: выковырнули из кровати. «Ирокез» смят, на теле кружевная пижамка табачного цвета. Мосластые волосатые ноги голые по самый зад. Четыре паучьи лапки торчат во все стороны, вяло отбиваются от габ-служб. Во: вроде втолковали. Смирился. Проверил установку стола и начал сооружать «черную звезду». Динозаврик притих, вылупил все глаза и даже язык высунул. Я по миллиметру подвинула руку, тыльной стороной дотронулась до языка. Считалось? Хрен его знает, я не местная.

– Пятый особый причал правого крыла, – ожил автомат. – Пункт назначения в секторе неприсоединенных, на пределе дальности. Разрешение на старт активировано два часа назад. Переход начат. Точка возврата не пройдена. Экипаж в стазисе. Рекомендуете команду на экстренный возврат?

– Да. За шкирку уродов и бить по печени, пока детей не разучатся терять.

Динозаврик обалдело уставился на меня всеми лазоревыми глазами, моргнул и заскулил.

– Скажи им: я обиделся, – принялась я портить ребенка. – Скажи: надо водить младших в середине колонны. Вас там много на борту? Родни?

Динозаврик показал щупальце, согнул кончик, еще и еще. Получилось семь зубцов, каждый следующий меньше предыдущего. Я постучала по первому и указала его место: последнее в колонне.

– Правило туристов: замыкающий сильный и взрослый.

Следующий час был кошмаром. Я рассказала два отрывка из «мухи-цокотухи», случайно уцелевшие в мозгу с незапамятного детства. Бармен прочиркал что-то свое, страусиное. Я изложила сказку о рыбаке и рыбке. Бармен соорудил планетарную систему из восьми шаров и двух стержней со звездами. Я, запинаясь и старательно избегая матерных мыслей о нерасто-

ропных родителей, приступила к мозаичным остаткам стихопрозы о похождениях царя Салтана. Бармен нервничал, топтал трехпальными лапами траву и изобретал новое развлечение.

Наконец, степь задрожала. Родственники неслись, ломая деревья и вспахивая поле. Ковер разлетелся и повисал зелеными шевелящимися опметками даже на грузовых капсулах – а это метров сорок над уровнем поля. И так весело было до того, как глава семьи приступил к торможению, вкопав себя по брюхо в мать сыру землю, то есть – сухую габу...

– Ыхр! – прогудел старший. Сгреб дитяню в охапку щупалец и уже не отпустил. Он возвышался над полем, как древний курган. Вывалы грунта вокруг напоминали раскопки. Шикарно. Я поклонилась бармену. Он кисло улыбнулся и сел, где стоял, сложил «ирокез» в затылочный хохолок и опустил веки. Выдохся.

– Как же это мы? – гремел старший на всеобщем наречии, вроде бы тут именуемом «язь». – Трагедия! Преступление! Горе!

– Претензий к габ-порту нет? – уточнила я.

– Мы обязаны, – очнулся папаша и важно мотнул головой, чуть не снеся колонну грузовых капсул. – Мы летели далеко, стазис нас дезориентировал. Мы не предусмотрели. Верное решение: замыкающий старший. Сколь мудро! Мы знали, но забыли. Комфорт и покой делает нас беспечными.

– У него одно сердце вроде пострадало, – осторожно сообщила я.

– При активном росте мы их перемещаем ежегодно, – отмахнулся папаша. Еще раз осмотрел нас всех пятью своими добрейшими лазеревыми иллюминаторами по два метра в диаметре. – Благодарю. Приношу извинения за беспокойство. Мы отбываем.

– Спокойного полета, – пискнул павлино-страус.

– Хорошо долететь, – согласилась я.

Они выстроились в колонну и удалились. Милейшие создания. Такие вежливые, а ведь знают все, что я тут шипела вслух и думала про себя, без сомнений... Кто-то дернул меня за рукав.

– Порция «черной звезды» всегда ваша, – просвистел бармен, пританцовывая на лапах. – Никогда! Никогда! Никогда наше маленькое семейное заведение не готовило для древних и славных трипсов. Это честь. Это слава! Это признание! Ваша порция за вами, хоть каждый день востребуйте. Ах, мой брат все снял, все записал, это счастье. Я и трипсы. Я спас дитя!

Крупная автоматика надвигалась издали, широким фронтом вспахивала и заравнивала след семейки. На границе сектора одно за другим разгибались и встряхивались свеженькие деревья. Я побрела прочь, павлино-страус топал рядом и восхищался собою. Он один и спас дитя, даже я не сомневалась, слушая непрестанную болтовню. Хотелось немедленно востребовать коктейль – или что это такое, я же сама назвала напиток коктейлем из-за формы бокала. Младенец трипса, вот вундеркинд заразный, стащил мой шарик. Я лоханулась и не сперла новый у бармена. Осталась с ложкой... Шикарный набор личного имущества. Один предмет, и тот ворованный. Хотя – есть еще тарелка. Тоже ворованная.

Почему именно в этот миг я споткнулась и нашла новую мысль – не знаю. Но так и было. Память нехотя выдала подробности дела о вскрытом сейфе. Я подумала громко – и обрела провожатого из числа типовых автоматов.

– Цель осмотра, – строго осведомился он.

– Я тут первый день на работе, хочу быть в курсе.

– Сыскное подразделение инспекции справится.

– А я кто?

– Атипичник, таков сленг инспекции, – отозвался он. – Габбер, младший специалист по вопросам, не имеющим внятной классификации. А равно по любым иным, какие вы отнесете к своей компетенции и обоснуете это решение.

– Автоматы знают сленг?

– Мой личный интеллект 720 по осредненной шкале, – возмутился провожатый. Не смолчал и добавил: – Ваш, согласно досье, 31.

– Ваша оценка по шкале атипичности, если есть такая?

– Один, – нехотя сообщил автомат. Долго тянул паузу и все же честно выдавил. – Ваша при приеме на службу двадцать семь, это проходной минимум. Сегодня по динамическому пересмотру повышена до тридцати двух. Поздравляю.

Сейф хранился в секторе семь, на уровне, закрытом для всех, кто не сотрудник габа. В официальном счете уровней этот – девятка – даже не упоминался. На вид сейф выглядел сферой, лохматой от множества щетинок-усов. Как мне пояснили, каждый ус был взрывоопасен, активировался от прикосновения и еще ряда дистанционных воздействий. Сейф вскрыли, не потревожив ни единого усика. Подобное невозможно. Империя уже заявила, что сейф был пуст, а это вдвойне удивительно. Я попросила показать записи с камер наблюдения. Меня поняли и загрузили голову чем-то чудовищно объемным и муторным. Знала бы, что не с экрана смотреть – плюнула бы на любопытство. С какой стати мне подозревать Тэя? Только за его идеальное алиби в моем лице. И за его ложь. И за прогулку к моему пепелацу: зуб даю, хотел стырить. Глазки как горели! И до чего он опешил, когда «Стрела» оказалась хламом.

В мозгу само собой крутилось кино. Камера за камерой, виды плоские, объемные, сканы просветные, инфракрасные и еще черт-его-знает какие. Я зафиксировала крупный план лица Тэя и запросила данные. Икнула от изумления: имперский дознаватель в ранге «тэй», интуитивно оцененном как генеральский. Подлец назвал мне должность вместо имени! Подлец знал про сейф и полагал, что эту дрянь уворуют на моем пепелаце? Если так, я понимаю и внимание к себе, и отпад челюсти при виде подмененного корабля. Интересно: а когда угнали мою «Стрелу»? Сволочь Тэй ведь шел к причалу, твердо зная: корабль там. И потребовал немедленно сообщить о подмене. Меня и подозревал? Или меня выводил из числа подозреваемых? Судя по реакции чиновного Чаппы, у дрюккелей жвала в пуху.

Голова пошла кругом от бестолковых, лишенных почвы подозрений и умозаключений. Я не гадалка. И это не мое дело, рекомендация была верной. Надо плюнуть и забыть.

Я не плюнула и уточнила еще одно перед забыванием: бывал ли указанный дознаватель в нашем габе прежде? Данные не подлежали оглашению. Все, в мусор эти глупости. Зря тратила время и выказывала заинтересованность. Проще и умнее поболтать с павлино-страусом. Но едва ли это уместно. Чую, дело грязное и не по моим силенкам.

А вот свежее и атипичное.

«В секторе шесть драка. Рекомендация: не вмешиваться, причины понятны, меры принимаются». Согласна.

«Критическое потребление окислителя в пункте передержки животных. Требуется решение по усыплению, пересылке и так далее». Наследство лилового лентя. Гляну. Сектор пять, почти рядом.

Я спустилась на базовый уровень и побрела по колено в траве. И тут меня садануло в затылок так, что звездочки закружились перед глазами.

«Попытка самоубийства. Главная грузовая колонна, балкон 71.» Без рекомендаций.

Верещать я начала сразу и громко. Сошло это за вызов служебного транспорта или автомат прибыл меня гасить – не знаю. Но явился в полминуты, я только успела сориентироваться и ломануться к грузовой башне, где прежде не бывала. Оказывается, автоматы именуются официально габаритами – удобно. Имен у них нет, зато есть индексы и номера, а еще у них есть выдвижное место наездника. Мой призовой летун звался габарит контроля ВС, то есть для удобства мы договорились – Вася. Мы вообще много о чем успели поболтать. Затылок дико гудел, меня трясло и слова из меня сыпались, как горох из худого мешка – дробно, часто, бестолково.

Когда я поступила в институт, не куда хотела, но все же высшее впереди, на меня поспорили два второкурсника. Один выиграл. Второй мне же и рассказал. Через день меня отчислили: я их избивала. Нет, я не монстр и драться толком не умею, но аффект – штука страшная даже без баллонного ключа, с тех пор знаю. После отчисления я твердо решила не отвечать: ну что это за мир, фи... Потом я передумала. Ведь ни один из говнюков не огорчился бы. А доставлять уродам радость? Вот еще. Я же знаю, что уроды. Уже знаю. Но то состояние пустоты я запомнила. Как стояла у окна и думала, что выйти – это хорошо. Что я полечу. Тяжесть с души вниз, сама душа вверх. Шмяк – и станет легко. Ну, есть ли толк в мире, где отчисляют меня, а эти – правы, достойны жалости... Позже я узнала, один из них был сыном важного геморроя. И мне повезло, вполне себе толковый мужик ректор рисковал, чтобы не открыли дело и не засадили меня за тяжкие телесные. Потому что чем весомее кошель, чем проще обвинять.

Еще утром, когда я лежала в обнимку с чистой тарелкой, мне казалось: в габе не бывает таких историй. Ну, на хрена вообще все технологии, если отчаяние так же слепо, слабо и неконтролируемо?

– Вася, – бормотала я сквозь зубовой цокот, – Ты можешь при мне постоянно, а? Ты ж-же умный. Ты ж-же сильный.

– Ответ частично положительный, по вызову явка при наличии свободного времени, – чеканил польщенный габарит. – Габберу полагается личный проводитель, уточняю: ваш отсутствует?

– Посмотри в акте.

– Формально имеется. Фактически не сканируем моими средствами опознания. Проверяю отчетность. Проверяю уровень свободных сделок. Проверяю частные и речевые договора. Проверяю кросс-ссылки.

– Какой ты умный, – лстиво заныла я.

– Отправлен гидом в туристический габ Грибовидной туманности, – в голосе габарита звучало отчетливое замешательство. – Договор речевой, контрактор – габрехт в отставке.

– Вот лярва лиловая!

– Подтверждаю.

– О, повысь себе атипичность на пунктик.

Он аж загудел от удовольствия. Я перестала стучать зубами. Отпустило, и вовремя. Не могу же я кого-то отговаривать, если сама в истерике.

Грузовая колонна была величественна. Вись терялась в облаках, заслоненных тяжеленными корпусами крупнотоннажного и габаритного, помещенного на платформы или подвешенного под тяговыми автоматами. Все это металось, скользило, танцевало. Так слаженно, что глянуть в радость. Мой Вася – мошка в стаде слонов – лавировал, как бог. Мы возносились к свету сквозь тишину и мигания маячков. Номера балконов я не прослеживала, ярусы были разными – узкими, совсем плоскими, ячеисто-сотовыми, монолитно гигантскими с громадой ворот. Семьдесят первый балкон находился под потолком. На краю перил стояла типичная такая Гюльчатая из арабских сказок – в белом просторном одеянии, укутанная до глаз. На голове узорный тонкий платок, покрывающий плечи. Из-под платка выются змейки кос, достигают колен и завершаются золотистыми шариками украшений. Гюльчатая рослая – чуть выше меня. Трогательно стройная. Глаза у неё огромные, человеческие. Но ужасно, окончательно пустые. Улететь бедам вниз, а душе вверх мешает бездушный габарит: он накрепко вцепился в сумасшедшую и ожидает моего прибытия.

– Кто такая? – спрашиваю, присаживаясь на узкие перила и опираясь ногами в седло Васи.

– Нет данных. ДНК вне единой базы. Ведем несистемный поиск вариантов, все предыдущие попытки анализа не дали результата. На опрос не отзывается. Предполагаем нарушение речевой функции.

– Да уж, с атипичностью у вас облом. – Я покосилась на Гюльчатой и сообщила ей, что выбрала имя для общения – ну, это самое. Молчит, зараза. А вдруг тут вообще другая сказка? Ладно, пока пробуем свои идеи, чужих все равно негде занять. – Он бросил тебя? Давай рассмотрим вариант: просто накладка и он забыл. Вас таких много при нем? Или я все путаю и те то думаю? Видишь ли, сегодня день потеряшек. Любящие родители умудрились не заметить пропажу младенца в тонну весом. Мы их нашли, уж как радовались, не передать.

– Потерял, – глаза обрели осмысленность и наполнились надеждой. – Божественный потерял и страдает.

Блин, урод, если не страдает. Голос у этой Гюль глубокий, бархатный. Рыдает она искренне, глазички – обзавидоваться можно. Серо-синие, с переливом. При перемене света они меняются как хамелеон к зеленому и лиловому. Рисунок радужки узорный. Кожа нежнейшая. Ресницы вообще, укорачивать впору: в брови упираются и царапают край ткани платка. И все это совершенство под завязку набито лебединой верностью, как подушка – пухом. Значит, головой вниз без вариантов, с восторгом грядущей встречи. Кто такой циник? Лебедь со встроенным стоп-краном, ага...

– Гюль, давай спустимся, сядем и спокойно обсудим, как тебе поскорее найтись.

– Взрослое трудоспособное существо, чьи данные не включены в базу, имеет право на час утилизации окислителя, – вмешался Вася. – Затем оно либо выдворяется в габ-центр для дальнейшего разбирательства, либо получает новый код и направляется для найма по списку имеющихся запросов. – Он помолчал и добавил: – Я предупредил. Еще есть десятая доля часа на принятие решения.

– Имя у тебя есть? – заторопилась я.

– Нет, – тихо и обреченно выдохнула Гюль и взгляд её снова стал пустыней. – Божественный зовет, и мы знаем, кого. Зачем имя?

– Вася, у неё тип метаболизма со мной совместим?

– Подтверждаю.

– Гюль, я приглашаю тебя в гости до выяснения нашего дела, – улыбнулась я. – Я же габбер и имею право на гостей.

– Бесплатно? – заморгала жертва галактического домостроя, упрямо глядя вниз.

– Совершенно. Не считая трепа и сказок. Ты сказки как – знаешь? В моем мире всякие Шахер-роскошные-зады могут травить до бесконечности про принцев и коварных джиннов.

– Петь умею, играю на любых инструментах, – заморгала она, торопясь стать полезной гостьей. – Только ваши божественные не должны звать, и я не смею смотреть на иных божественных. И еще...

– Договорились. Садись на габарита и поехали в гости.

Мы спускались молча. Эта роза звездных пустынь страдала и роняла слезы. Я просто думала, вследствие чего и попросила Васю доставить нас на запретный девятый уровень. Там я подняла на уши весь хренов инспекционный отдел и закатила скандал, требуя прямой канал на безымянного Тэя.

Думаю, красавчик так не икал с рождения. В электронной плоти проекции он явился хмуро-кривобокий от изжоги.

– Однако ты доставуча, Сима. Две минуты даю.

– Вот безымянная жертва семейного неравенства. Имени нет, ДНК вне базы, упакована, изволь оценить, как гусеница для спячки. Соответственно, примет опознания ноль. Оставлена тут по ошибке или по умыслу. Сейчас я пробую понять, как давно она пострадала за свою любовь. И кто счастливо отбыл под сплошным покровом ткани.

– Так, – из Тэя будто кинжал вынули, он бодро распрямился. Осмотрел паранджу – я не понимаю в терминах, тем более местных, вот и думаю знакомыми – и хмыкнул. – Дело ясное, туманность Гриба надо проверять, самый дальний от вас уголок. Там много особых укладов и сектантских закрытых мирков. Спроси о времени вне семьи.

– Гюль, как давно божественный удалился из виду?

– С вечера страдаю, – вздохнула она. – Вроде был отклик, он привел меня к балкону. Стало бессмысленно искать. Нет сил, нет света души его.

– Блин... поэзия, её налево. Тэй, с тебя пирожок. Как найдешь адрес божественного, дай знать. Тут человек сохнет. Отбой.

– Окислитель на время следствия мы выделим, – поморщился Тэй. – И стандартное питание. Сима, ты... как бы сказать-то... с невысказанной скоростью выбираешь гостей. Ты... – Он аж скрипнул зубами и отмахнулся. – А, сама разбирайся. Отбой. Я черкну Чаппе, что следует, и не впишу, что не следует.

С тем и сгинул. Умеет, гад, сделать важное лицо. У меня затрещало в извилинах. Что прямо сейчас сказал коварный генерал без имени? Что я дура. Краткий перевод кристально прозрачен, полный не поддается расшифровке. Ну и в сад его. Я помахала ручкой Васе, помянула Гюль и зашагала к дому. Седьмой уровень, рукой подать. Упакованное в ворох ткани недоразумение тихо шелестело следом. Спорю на любимую иглу Страшилы мудрого: она бы свалила немедленно, умей она ходить одна, а не следом за бараном. Ну, или за мной, раз бараны все отвалили. Без ведущего Гюль сразу впадет в ступор. Как она до балкона-то добрела, прячась от всех-всех-всех...

При виде моих двух комнат у гостыи случился приступ икоты. От осознания, что одну отдают в пользование, добавился кашель. Чахлая роза. Её надо валерианочкой поливать три раза в день.

– Мы пребываем в прайде, – бормотала она, жалобно глядя на меня. – Только так, это суть жизни и чести.

За «прайд» не ручаюсь, но как-то я должна было воспринять это понятие? Вместе они ходят. Божественный впереди, аки лев. Толпень безымянных дур вослед ему, благоговей. Я спросила, какого фига продолжается почитание. Религия в основе, лев неутомим или еще что объективное. Кукла закатила глаза, одеревенела и попробовала рухнуть в обморок. Я успела подтолкнуть стул, и она отсиделась в шоке. Чуть погодя обмякла, принялась стенать и шептать, что божественный был и есть всегда, поколения сменяются, а верность превыше времени.

– И мозга, – буркнула я. – Внятно сопи: какие нафиг поколения? Вы ж выродились бы!

– Я улучшенный клон улучшенного клона модифицированного клона, – гордо сообщила Гюль. – И так последние пять сотен циклов. От основания прайда. Мы неразлучны и счастливы. – Она затравленно покосилась на меня, стараясь не поднимать взгляда. – Были. Здесь есть бассейн?

– Вертикальный, типа гроб с музыкой, – указала я на душ. – Гурчит, журчит и плюется... наверное. Осторожно, я в этот ящик еще не играла.

Она прошествовала в двухсекционный гроб... то есть душ. Царственно огляделась, барабаня украшениями на концах косичек по тесным стенкам. Высунулась из помоечного отдела в разоблачитель, брезгливо кривя безупречные брови, почти скрытые тканью платка. Указала пальчиком на стену.

– Чистка. Хорошо, надо готовиться. Всегда готовиться к вниманию божественного.

– Пионеры-маньяки, блин, – отчаялась я. – Боров жил, боров жив, боров будет жить. Прости, это я мантру пою. Не слушай.

Таких гостей нам не надо. Но слово не воробей, а генерал сволочь два раза. Мог бы этой двинутой клоно-кукле выделить отдельную упаковочную коробку с лентами и бантиком, пусть бы там лежала и ждала божественного, попахивая розами и формалином.

Она прикрыла дверь. Долго шуршала шмотками, затем стукнула второй дверью и включила подачу воды. Я притаилась возле кухни. Если сейчас будет визг ошпаренности или вой от замороженности – не удивлюсь. Увы, тихо. Душ меня разочаровал.

От переживаний зачесалась шея. Я вспомнила, что хожу в форме безвылазно и не знаю даже, как она снимается. А душ-то безопасен, и чистка сейчас уродует чужие шмотки, выну их – буду знать, уцелеют ли мои. Это важно: тут до полного износа ничего не списывают. Пожеванная форма в дырочку будет еще годна, клянусь Чаппой и его квишпой.

Пуговиц на форме не было. Молний тоже. Липучек ни одной. Может, меня полагаются распаковать лишь к моменту отставки? Кошмарненькая перспектива. Я повозилась еще и нашла уплотнение в вороте, при нажатии форма стала расползаться по переднему шву, которого самого мгновение назад не было. Непристойнейшая форма, дичайшее будущее, они совсем забыли о нижнем белье. Ладно, вон в щели одноразовое нечто – типа салфетки для всего тела. Можно закутаться.

Чистка очень своевременно шелкнула дверцей. Я выгребла гору ткани, придирчиво прощупала имущество Гюльчатой – вроде, все гладко и без дыр. Прощально подмигнула своей форме, содрала значок с кармана, спасла ложку из сумочки – а все прочее, включая неразъемные со штанами ботинки, сунула в недра шайтан-машины. И, не дыша, закрыла дверцу.

Словно почуяв это, звезда гарема перестала повизгивать народные мелодии и завозилась, пробуя выбраться из гроб-душа. Успешно, к сожалению. То есть едва она возникла в дверях, я начала сожалеть обо всех своих деяниях и словах от момента знакомства с Васей. Гюльчатой тоже не упустила случая и включила визг. Это походила на свист чайника, только раза в три громче. Я не знала, как прекратить шум, зато усиливала его во всю мощь горла, блин. Душ тоже старался и резонировал нам.

Гюльчатой до пояса была вполне даже она. Ниже пояса по всем признакам – он. Моей широты взглядов не хватало для принятия этого факта, и я закрыла глаза. В темноте визжалось вдохновенно, солидарно. Когда стало тихо, у меня из головы схлынула паника. В ушах слегка звенело. Пока я не начала сознательно порывивать от злости.

– Генерал! – внятно позвала я, прокашлявшись и сунув Гюльчатую шмотки: пусть закапывается. – Ведь прослушиваешь, гад! Так учти, умник, я тебя кастрирую тупым ржавым ножом, понял?

Гюльчатой – все оно, не знаю теперь, как именовать – затихло под тканями. Генерал предусмотрительно не отозвался. Но чую я, чую: ржал сейчас, как конь. «Сама разбирайся». Вот я и разобралась.

– Как это понимать, товарищ гражданин клон? – строго спросила я у вороха ткани, компактно маскирующегося под ветошь в углу душевой. – Все удобства для божественного. И этот гниденьш даже имя тебе не выделил! Эй, он хоть – он?

В углу закопошилось. Подтвердило, наверное. Блин. И зачем мне эта моя широта взглядов. Брат бы сказал, что такое вот надо пристрелить. Но универсум большой, в мой дом оно влезло не нахрапом, оно тут по приглашению. Если уж стрелять, то в божественного. Пока из вооружения у меня только ложка, ею можно вдумчиво выесть гаду мозг... Если не будет рыпаться.

– Эй, сердечный приступ не подцепило? Хорошо, однако.

Чистка шелкнула, я выгребла свою форму, теплую и сухую. Постояла, наблюдая дрожащую в углу ткань. Блин. Ну, зачем этому сочувствовать? Может, оно так само хочет жить. У них так принято. Было. Пятьсот циклов назад.

– Одевайся и марш на кухню. Будем думать, – сообщила я. – Я тут власть, ты тут гостьё подневольное, глупостей не делать, из дома не выходить, с балконов не бросаться. – Чуть подумав, я соврала для профилактики: – Трупы тут хранятся голые на общем обозрении, въезжаешь?

При нажатии на кнопку в кухне мне выдали две тарелки и два стакана. Гюль поставили на довольствие. Я заглянула в кладовку. Коробка лежала там, где была оставлена. Рядом аккуратно помещались две крошечные таблетки: система работала. Окислитель производился в сверхкомпактной форме. Древний коллега по несчастью не обманул, мир его памяти. Я немного подумала, насколько система нелегальна. По идее, кислород надо восстанавливать из углекислоты, а мы тут уворовываем часть. Вероятно, в масштабах габ-порта это допустимо и несущественно, пока ловких – всего-то один экземпляр.

Гюльчатой выползло в коридорчик и там присело на пол, отвернувшись от меня.

– Мы не общаемся с неполноценными, – скорбно сообщило оно. – Мы не пятнаем себя. Контакты с животнорожденными неулучшенными есть позор и падение. Божественный не примет меня. Надо было умирать в чистоте.

– Ты еще парадом ту пройдишь, энергичное меньшинство, – посоветовала я. – Вот не мется вам в любом мире, сперва боретесь за равенство, а потом всех уже надо выравнивать на правофлангового... Садись и ешь. Властью, данной мне квиппой, назначаю тебя бабой и именовать буду «она» и Гюль. Платок с морды убери, есть не сможешь. Опять же, видела все вплоть до пяток, поздно помирать в чистоте.

Я добыла личную ложку и зачерпнула серое месиво. Сегодня вкус был чуть иным. Или дело в настроении? У меня от злости по сю пору во рту железо, как у лошади с удилами... Гюль проползла по коридорчику, всхлипывая и зеленея кожей так, как мне не справиться даже после отравления. Она все же сильно хамелеон. Ну и пусть. Мне-то что? Комнат две, восславим предусмотрительность Чаппы.

– У вас вся раса состоит из прайдов? – любопытство враг мой. Очень сильный, я даже не рыпаюсь и сдаюсь ему. – Или в одном городе такие клоны, в другом еще веселее... клоуны.

– Три планеты заселены у нашей древней звезды и еще две в новом мире, – сообщила Гюль, нехотя отстегивая лицевую тряпку и двигая тарелку с видом мученицы, которую просто обязаны канонизировать после истязаний обедом. – Мы совершенны, разумно улучшены от дикого первобытного образца. И процесс шлифовки клонов непрестанен.

– При неизменной численности населения? Понятно. А станет тебе лет... черт, я ж не знаю, сколько вы живете. Иной вариант. Вот ты слегка состарилась. Действия божественного?

– Взрастить новый клон, – пожалала она плечами. Вздогнула и с ужасом глянула на меня. – Мне сорок три цикла. Он сказал пять дней назад, что у меня тут морщинка. Он на следующий день не думал обо мне ни разу...

– Ну и что в системе идеального? Взрастят клон, а тебя куда? К черту ДНК и все такое, ты личность, с балкона сигала именно ты, и знала, что делаешь это не для прошлых или будущих поколений, а просто от твоего отчаяния, уникального.

– Не знаю, – тупо поразились Гюль. – Мы иногда меняемся на свежие версии. Не понимаю. Мы прайд, одно поколение, одна судьба, одно дыхание и чувство.

– Ха! Верь дальше, что за тобой вернутся. Или не вернутся лишь потому, что ты не туда глянула и не то сделала. Идиоты с комплексами и догмами сыплются с балконов пачками.

– Не понимаю, – заклонило Гюль.

Она автоматически ела, бессмысленно и старательно пережевывая желе. Солила слезами воду и ничего не соображала. Я давно подозревала, что «не такие» часто на самом деле хотят под себя перекроить мир и сделать его весь – «не таким». Вот они преуспели. Им живется богато, просторно и безмятежно. Они победили, добились свободы воззрений... и радостно превратили эту свободу в новый вид догм. Постепенно нашлись очередные ловкие ханжи, умеющие жить в свое удовольствие. Прочие отупели от привычки. Божественный умник обменял неновую игрушку на опасный секрет и во всю дурь валит, куда ему указано. А эта кукла будет покрывать изувера до последнего вздоха, если сейчас нажать и пригрозить.

– Он не нарушил закон, обновляя часть прайда, но не себя?

– Не понимаю...

– Вам с ним хоть не скучно? Он выше тебя или ниже? Толстый или худой? Вы с ним развлекаетесь...

– Не обсуждается, – встрепелась Гюль. – Божественный в жизни всегда один. Всегда прав. Всегда в душе. Любовь наша пройдет все испытания. Я неудачный клон. Всего лишь одна неудача в цепочке многих счастливых жизней. Должна уступить место более чистым.

– Ты умеешь петь. Что еще?

– Охрана, – длинные пальцы дрогнули, отталкивая ложку. – Лечение. Навигация.

– Ты вполне зарабатываешь на пропитание. Универсум велик. Посмотри повнимательнее, вдруг найдешь себе новое счастье. На одно поколение, а?

Она картинно возрыдала. Я припомнила Хрущева и его ботинок. Пожалела, что мой соединен со штаниной. И взялась лупить об стол ложкой, желая продолжить профилактическую беседу без сырости. Какое мне дело, ну бросил и бросил. Живут они во имя божественного и прыгают иногда с балконов. Каждый сам решает, какая правда ему удобнее.

– Гюль, скажи честно, очень прошу: сегодня худший день в твоей жизни? Вот точно худший и вообразить более страшное нельзя?

– Нельзя, – спокойно согласилась она.

По лицу видно: подкрепились халявным желе, надышалась казенным окислителем и готова лезть на балкон. Воздухоплавательница фигова.

– Значит, что бы ни случилось дальше, оно – к лучшему, – заверила я.

Отмахнулась и не вняла.

– Ты знаешь цены на окислитель? – Я собрала в ложку брикетки из кладовки, с трудом подняла и брякнула на стол. Крошечные, а весят с килограмм. – Это можно продать?

– В габах должен быть уровень свободной торговли, – безразлично сообщила Гюль. Вздохнула со всхлипом. – Мой платок куплен в таком, три цикла назад. Он сам выбирал. Сам на голову накиннул.

Красивая она, зараза. Может, и правда генетики у них толковые. Жалко, если такие данные шмякнутся об пол и расплзутся лужей кишок и дробленых костей.

– Пошли, вот наш окислитель. Будешь продавать, я не умею.

Дав указание, я встала и удалилась, не вступая в обсуждение. Привычка сработала: получив указание, Гюль построилась в затылок за командиром и потащила исполнять. Хотелось смеяться. Она вежливо шептала мне советы, потому что знала, куда идти: габы строятся по единому правилу. Она ни разу не скомандовала нечто вроде: «Налево!». Только – «Умоляю отметить, тут удобнее принять левее». Я благодарилась и продолжала светский монолог. Типа – ах, у нас в ночи луна, а у вас? Две, это у главной планеты. А наше солнышко имеет много планет и только одна, третья, как думаем, заселена...

Гюль успешно обменяла окислитель на эрги, как тут сокращенно называют аналог денег. Я разрешила в награду прошвырнуться по лавкам. Села на бесплатную скамейку и вызвала Васю. Габарит явился так быстро, что я заподозрила наличие сторонних инструкций. Попросила объяснить, как бы мне поговорить с душкой генералом. А линия уже налажена, вуаля. Тем проще слить сведения – про луны, число планет и тип звезды. Все, что запомнилось, из памяти было дословно считано при моем неохотном согласии.

– Добровольно клон не выдает такие сведения, – польстил мне Тэй. Задумался и хмыкнул: – Опознано. Теперь мы знаем, какой из трех подозрительных кораблей тот самый. Глядишь, тебе премию пообещают.

– Про тупой нож слышал?

– Нет, – сразу откликнулся лжец. Помолчал и добавил: – Нашла, кого позвать в гости. Скоро он произведет тебя в божественные.

– Она, мы так договорились. А что, переживаешь?

– Предупреждаю по-дружески.

Вызов прервался. Гюль явилась, сияя и заматываясь в новый слой ткани. Долбанутая на окукливании гусеница, блин. Я похвалила расцветку. Она осознала подтекст и увяла. Мы построились в молчаливую организованную колонну и пошли на работу. То есть спасать зверинец от усыпления.

К ночи удалось рассортировать зверей на домашних и паразитов. Ну, представьте: у высокоразумного трипса есть в гребне зууры. Не блохи, а скорее симбиотики, очистители шкуры. Каждый размером с крупную собаку. Трипсы после дезориентации, как я знаю, теряют родных детей. Про зууров можно и не упоминать. Разница небольшая, но существенная: за паразитами не возвращаются, бесплатно избавившись от таковых.

– Но это бесчеловечно, – шепотом кипятилась Гюль, обнаружив в себе жилку правдоискательства и дешевого «зеленого» популизма. – Спасти всех! Ты ведь можешь. Ты габбер, твое слово – закон.

Ежась и осознавая риск обожествления, я сделала зверскую рожу и подмахнула акт утилизации паразитов, квивпами отметив редких «для передачи в научный сектор». Гюль залилась слезами. Думала – меня ненавидит. Оказалось – восторгается спасению части повинных харь... Домашних я разделила по потреблению окислителя. Невыгодных отправила в габ-центр, пусть там габберы угорают от восторга. Оставшихся еще раз просмотрела компактным списком. Возглавлял его загадочный «мономорф малый». Литр кислорода в сутки, рекорд эффективности.

– Где этот? – я ткнула в список и искала взглядом верного Васю.

– Неизвестно, он морф, – прогудел габарит. Чуть позже пояснил: – морфирует в пределах помещения. Опасается утилизации. Есть теория, признанная в пространстве силикатов. Морфы, по их мнению, ранняя стадия экспериментов по созданию синта. Неприродны. Интеллект до ста. Не подлежат регистрации в базе данных разумных, у них одно базисное устремление: морфирование для выживания. Полагаю возможным отнести к паразитам. После вакуумирования помещения морф исчерпает живучесть через три условных дня.

Гюль возрыдала со всей страстью, отчаянно кося на меня и не забывая следить за тоном румянца. Опасные симптомы. Убиенный морф сделает меня извергой, что хорошо. Живой морф будет в доме третьим, и скорее всего не лишним, боюсь я гости...

– Гражданин морф! – официальным тоном начала я, встав в середине помещения. – Предлагаю добровольно перейти в статус одомашненности. У вас есть одна десятая доля часа, чтобы сдать мне в руки. В противном случае я подпишу акт, и здесь начнется плановое вакуумирование.

Ответа не последовало. Я потопталась, чувствуя себя смешной. Гюль хлопотала у клеток со спасенными паразитами, шепотом ругалась с Васей, проверяла расписание грузовиков и планировала отправку ученым бесценного дара нашего габа. Вася шипел змеей и мигал всеми светоиндикаторами, вслух напирал на интеллект габаритов, превосходящий людской. Гюль снисходительно хмыкала и стучала себя по ценному клонированному черепу двадцать седьмой генерации, да еще и со вживленными полезными штуковинами, слов не знаю, смысл старательно пропускаю мимо. Но на выходе получается: у неё, как навигатора, профессиональный показатель заваливается за тысячу. Дура дремучая, пусть хоть сто раз модифицированная! Все эту тысячу собиралась поутру шмякнуть об пол.

Пальцам правой руки стало чуть теплее. Я моргнула и продолжила созерцать пустое помещение, как ни в чем не бывало. Теперь вся рука греется. Зона тепла обозначилась и более не меняется.

– Пошли, на сегодня дела завершены, – предложила я. – Вася, какой ты славный. Сейчас стих припомню... И в мирном космосе герой – мой Вася, – лепила я наугад, помня только

мелодию, – вот так он бьет кормой, мой Вася. И ни один преступный элемент не будет пропущён, когда он на посту – мой Вася...

Бездарно зарифмованная с чужого шлягера лесть сразила габарита. Он более не парил над полом, он брякнулся на упругое покрытие и замер, записывая в память бред. Когда я замолчала, устыдившись фальшивого пения, Вася взлетел и сделал два круга под потолком – орел наш.

– Утром выйду с тобой на дежурство, пожалуй, надо учиться атипичности, – сообщил он. Помолчал и добавил: – Запрошу у научного сектора, вдруг им все паразиты сгодятся.

И уплыл, тихо проигрывая мое кошачье мяуканье про героя-Васю. Я заперла помещение и пошла домой, гудя головой, как трансформатор. Морф почему-то не думал валить с руки, растворяться бесследно в огромном пространстве габ-порта. Полз тихонечко, накрывал затылок, щекотал за ушами. От его прилипчивого поведения почему-то пропадала усталость. Гюльчатой маршировала следом и всхлипывала. Ей было жалко морфа. Она не видела его даже теперь, в двадцати сантиметрах от своего хорошенького носа. Тем лучше. Мне второй гость не требуется. Куда удобнее домашний плед-нелегал.

– Тебе нужен навигатор? – заискивающе спросила Гюль уже за ужином.

– У меня нет корабля. Тэй посмотрел и сказал: хлам. Нового не дадут, а без средств можно только мечтать о каких-то Иа-Иа.

– Они лучшие, – оживилась Гюль и сразу поникла. – Только им не нужны мы, навигаторы, капитаны, пассажиры. Если мы не кэфы.

– Они живые?

– Неизвестно. Но ИА объявили своим сектор универсума и даже Империя при всей её упертости смирилась. У них статус «равные». То есть разумные, но не белковые, не природные и вероятно не живые. С правами живых габ-служащих высокого ранга. Условно, они никогда не покидают сектор и не вступают в контакт.

– Сплошные заморочки.

– Я могу спеть, – стрельнула глазками Гюль.

– Иди в свою комнату.

– Мне страшно, это называется одиночество. Проще прыгнуть с балкона, чем заснуть в изоляции.

– Жизнь вообще штука сложная. У тебя интеллект охренительный, иди и применяй. Для выживания, у морфа вон вдесятеро меньше, а он...

Я прикусила язык, вцепилась в рукав Гюль и выволокла её в гостевое помещение. Закрыла дверь своей комнатухи, подперла стулом. Покопалась в памяти, старясь понять, почему за мной подглядывают всякие там генералы в моем частном жилье.

«Служащие габ обладают необходимыми средствами и полномочиями для установления дальней связи из любой точки габ, своего или иного. Приватность формируется ими же при мысленном составлении правил в отношении каждого помещения жилого блока».

То есть я орала – габ транслировал. Я же адресно орала. И не фига не приватно. Бедняга Тэй, если это пошло на большой экран. Почему мне не совестно? Потому что он так и не назвал имя. Я думала и параллельно составляла правила приватности. Закончив с этим и бухнув красиво выдуманную квиппу на воображаемый акт, я села на кровать.

– А облик у тебя есть, морфуша?

Со спины сползло серое, кляксой растеклось по одеялу. Собралось в шар, меняясь ежесекундно и определенно настраиваясь под мой вкус. После долгих хихиканий и переглядушек получился стройный длиннолапый кот... с пятью умильными лазоревыми глазками. Полметра в холке, цвет переменчивый, сейчас – чуть светящийся золотистый.

– Спокойной ночи, Гав, – шепнула я.

– Мр-ряу, – прижмурился он, потоптался и лег в ногах.

Нелирическое отступление. Первый сон Уильяма Вэйна

Осклизлая листва бьет по лицу, серые струи дождя в глазах, озноб на коже – и ничто не может разбудить. Он сейчас там – во сне. И весь его сон – гнилое болото, которое не отпускает. Картинка, как всегда, крутится в памяти не в полный цвет. Пятнами по серому проступают оттенки, запекшаяся кровь. Звук тоже рваный, он то пропадает, отдает в виски эхом, то напоминает монотонную, неразборчивую дрожь стенок колокола, то резкий, подобный выстрелу, всплеск громкости.

Он видит спины и свои ноги, вымешивающие грязь. Группа бредет в киселе дождя и тумана, болото все – в тусклых разводах хаки, застаренных дождем, нудным, как само утомление. Тело помнит и дергается во сне: вырвать из тисков трясины ногу, рывком переставить. Найти опору и выдрать вторую. И рывком. Бесконечное число рывков левой. Несчетное число чвяков правой. Мокрое оружие в мокрых руках. Пот и дождь одной температуры. Воздуха вроде бы вообще нет. Вдох течет в легкие. Им можно захлебнуться. От него рвет.

Чужой ненавистный край, откуда надо бы валить во все лопатки. Но сразу отсылают лишь трупы, чуть погода – раненых. Оба варианта не хороши. Человек хочет быть живым. Человек хочет жрать, успешно переваривать пищу и быть здоровым ровно так, как и полагается в двадцать пять. На двенадцать баллов из десяти. Без грибка. Без лихорадки. Без отвращения к делу, которое ты однажды, не иначе как с мозговой горячки, подписался исполнять.

Голова дернулась, глаза зачем-то уставились в мокрую мешанину веток справа от линии движения. Там дождь, как везде. Струи стегают испуганно вздрагивающие джунгли. Нет стороннего движения. Показалось. Уильям поморщился. Он идет в хвосте группы. Туда уже смотрели. Там чисто. Рука, будто споря с мозгом, самоуправно вскинулась, начертила жест: внимание. И еще – угроза справа.

Когда он был зеленее огурца, то есть после второй вылазки, это и началось... Он надсадно заорал, обличая незримую угрозу, а после жажнуло сплошным огнем. В голове стало так тихо, что он не слышал ни своего голоса, ни чужих – ничего вообще... Сразу сделалось непосильно понять, от дождя ли промокли штаны... И ничего не уцелело в памяти о самом бое, даже во сне. Ни намек, даже в виде бесформенного страха. Сплошная дыра. Вот что был тот день: дыра в жизни. Навылет. Хотя вечером стало понятно: всего-то кожу стесало повыше локтя. И нервы подпалило, а это лечится спиртным. Так сказал памятный навсегда капрал, задумчиво накачивая пойлом рослого новобранца. Еще капрал добавил: «Билли, у тебя глаза на жопе. У тебя, черт тебя дери, вообще глаза растут пучками. Так нефиг мяться, не девка! Учужал что, не мнись, сразу вопи и тычь туда, где тебе заметна куча! Это не трусость. Это выживание». Тот капрал улетел домой месяц спустя. Ошметками тела в закрытом гробу. А рядовой Вэйн привык показывать на кучу незримого дерьма, постепенно отработал короткий внятный жест. То движение руки два следующие капрала так и называли – «дерьмо Вэйна». Сперва он был зол. Потом гордился. Но в гребаных тропиках все протухает и гнивает. Страх, гордость, азарт... Остается тупая усталость.

Группа замедлилась. Третий на памяти Вэйна капрал, мелкий очкарик с повадками крысеныша, просек знак. Сам стал падать носом в жижу, заодно выкрикивая команду залечь. Не успел.

Звук получился двойной, как щелчок длинного бича на родео. К хаки и серому сразу добавились брызги бурого. И запах пороха, мокрого, размазанного дождевыми струями...

Уильям выругался, сплевывая дождь и старательно шпигуя пулями зелень там, где чудилась угроза. Почему можно стрелять стоя, он не знал. Это не важно, можно – и все дела. Запах

беды бледнел и удалялся. Когда он угас, Уильям побрел к капралу. Крысеныша Айка уже перевернули на спину. Бледная остренькая морда была запрокинута, в щель рта тек серый безразличный дождь, из щели пузырилась бурая слюна, стекала по шее. Айк был так окончательно мертв, что мог не сомневаться: как и мечтал, отбудет домой первым рейсом. Если группа вернется и доставит труп.

– Психи русские, – шепотом ужаснулся Йорк, взвизгнул, рванул ручной пулемет и принялся шало стричь пустой лес. – А-аа...

«Психами русскими» этих тварей повадился звать майор. Он был тот еще зверь, поджарый, опытный, спокойный. Уильям редко видел майора вблизи и приватно, раз пять. В клубе, слегка подвыпившего и с очередной девкой, всегда – фигуристой, аж на зависть. Один раз майор отослал девку, сунул ей деньги и не глянул вслед. Подбородком указал на освободившийся стул.

– Дерьмо Билли – типа, про твой нюх?

Пришлось кивнуть и очень постараться не морщиться. Тогда он как раз злился на прозвище. Майор помолчал, жестом заказал выпивку на двоих и дождался ее прибытия.

– Кто умеет чують дерьмо, тот может уцелеть, – прищурился майор. – Билли, жизнь – штука ценная, как последний патрон, наверное. Самый, типа, на весь гребанный мир последний... Такой или беречь любой ценой, или знать крепко, на какое дело использовать. Типа въехал? Вот... Ни шиша ты не въехал. Значит, пока твое дело – беречь.

Майор помолчал, без спешки отхлебнул виски и погонял во рту, как микстуру от кашля. Проглотил и скривился, ловко цыкнул языком. Показал всем видом: не виски, гнилая моча. Но здесь или ходи трезвый, или не выеживайся, хлебай, что наливают.

– К себе переведу, – решил майор. – Надо типа глянуть, как чуешь. Занятно. Или – полезно? Решу. Психи тут, чую всем прошитым насквозь легким. Психи... – Майор резко допил и жестом потребовал повторить. Снова выхлебал. Уильям мог поклясться: после упоминания загадочных «психов» рука майора мелко задрожала. И унялась лишь после второй порции успокоителя, не разбавленного тоником или чем-то еще. Дальше майор говорил тихо и быстро. – Психи русские. Спецы. Цветных макак учат. Ну и сами типа – охотятся, – пояснил майор после молчания, покачивая в ладони пустой стакан. – Ниже капрала в зачет у них никто не идет. Старший группы – два очка. Майор – три. Парень с пулеметом – одно...

– Откуда...

– Да, их не видели ни разу. Вот типа точно: откуда бы знать? Предполагаю, – поморщился майор. – Спецы впустую не затратят пулю. Трофей, вот их игра. Я здесь давно... типа, понимаю в спецах. Сам... не сопля. Но они – психи. К тому же с «калашами».

Майор замолчал. Уильям еще долго сидел, стараясь не шевелиться, чтобы не спугнуть продолжение истории. Но продолжения в тот раз не случилось. Позже он собрал из обрывков слов и намеков картинку того, что было страхом бравого майора. Таким большим и искренним страхом, что майор не видел смысла скрывать – и не стыдился. Он уважал психов. Он не сомневался: эти возьмут все, за чем пришли, и сгинут невидимками... Профи.

Майор пробовал донести свой страх наверх, оформив в виде доклада. Но там не верили в психов и не видели разницы в сводках потерь. Пока не жажнуло так, что считать стало некогда... а порой и некому. Тогда и был убит второй на памяти Уильяма капрал. А майор увернулся. Успел заметить «дерьмо Билли» и так резво рванул в сторону, что отделался ранением навывлет, только мягкие ткани... Хотя кровящи – весь сон от неё на миг сделался бур. Лежа в сплошном месиве из болотной жижи и порубленных пулями джунглей – майор орал до самой потери сознания: «Промазали суки! Промазали. Промазали»... С тех пор Уильям поверил в психов. А майор поверил в «дерьмо»...

Сейчас чутье запоздало. Капрал-крысеныш, доносчик и трезвенник, лежал мертво-серый, с удивленно раскрытыми глазами.

По черепу Уильяма снаружи стучал крупный дождь, а изнутри пулеметной очередью вторили мысли: никто во взводе не поверит, что ты отвлекся, и потому обложался, не подал знак заранее. Все знают, этот урод доставал тебя. Все промолчат. Одобрят, и хоть ори, что ты не мстил крысе.

На груди капрала, на штатном «бронике» был всего один след. Двойной выстрел. Как можно из автомата положить пару пуль в одну точку? Защита, ненавистная, тяжеленная, многими с презрением бросаемая в лесу – насквозь... Только «психи» могут так – издали, в движущегося. Дождь во сне надавил на голову болью, картинка вылиняла до черно-белой. Хлопок по спине: сбито дыхание, зато сон будто вправили в обычное его течение. Логика очнулась. Капрал скопытился. Группу надо выводить. Значит, выводить будет тот, кто жив и на ногах. Как стучит пулемет, виски ломит.

– Поздравляю, капрал, – заверещал пулеметчик, прекратив панически расходовать боезапас, лишь когда звук сменился на сухой холостой щелчек. – Приветствуем капрала Билли, ребята! Теперь заживем!

Поперек горла будто натянули удавку, ужасное ощущение. Майор давно намекал на повышение. Это казалось неплохо. Там, в баре. Здесь, в мокрых джунглях цвета хаки, над серым трупом крысенюша, повышение имело иной смысл. Только что Билли стал стоять два очка в чьей-то трофейной охоте. «Психи» до сего дня не интересовались рядовым. Можно было топтать и не заботиться о приметности – это при росте под два метра! Рядовой – зверек массовый, тусклый... Захотелось прощупать жилет на груди. Толстый ведь. Весу в нем фунтов десять. Нет ничего хуже русских в джунглях. А эти – психи с калашами. Три раза плохо. Три гребанных раза...

– Отходим, – выдавил Уильям. – Надо доставить труп и сообщить... майору о психах. Они вернулись.

– Натаскивают обезьянок, – согласился, выглядывая из-за спины, сослуживец.

Сон укрыл от дождя, милосердно дал затемнение. Хотелось верить, что за ним последует пробуждение. Но взревел мотор – и по глазам полоснуло солнце. Чертов сон не потерял худшую свою, вторую часть. Там нет джунглей. Зато все тот же бравый майор дослужился до полковника и сидит пассажиром. Сам Уильям уже капрал и сейчас он за рулем тентованного джипа.

Пустыня при полуденном солнце слепая, тени попрятались. Смотровые щели глаз нороят закрыться вовсе, спасая сознание от нестерпимого света и вездесущей пыли. Хаки в этой части сна тоже пустынное, иного оттенка. Серого нет, только расплавленный белый и угольная чернота, вся она под джипом. Как злой рок, как метка беды. Но у беды нет запаха, хотя Уильям что-то чувствует: по спине гуляет холодок, невозможный в пыльном аду полудня.

Резкий спазм! Руки, не дожидаясь решения медлительного сознания, рвут руль. Джип содрогается и начинает заваливаться на бок, полковника вышвыривает и краем глаза Уильям прослеживает полет тела. Острый запах беды делается невыносим: *это* совсем рядом. Почти удалось проскользнуть, обмануть, разминуться...

Удар снизу. Джип – тяжелый, груженный – встает вертикально на морду и заваливается вперед. Кувырок. Боль. И много, очень много бурых брызг в смятой оправе металла, капканом сжимающего тело. Поле зрения узкое. Бок песчаного холма и тень. Рыжее подвижное пламя, его все больше. Тусклый бок ближнего ящика, выброшенного из-за сидений. В ящике спит под чекой смерть. Огонь потрескивает. Кашляет смехом: что ему чека? Можно и иначе разбудить. Запах беды неотличим от едкой гари. Солярка горит охотно и застит. Застит глаза окончательной черной болью...

– Чертов сон, – хрипло сообщил Уильям потолку личной комнаты, наконец-то проснувшись.

Он и без окончания, которое в кои то веки удалось не досматривать, знал: в утробе убогой операционной капрала Уильяма будут долго резать и шить. А потом вытолкнут во вторую его

жизнь, укоротив на полметра. Он очнется и будет тупо смотреть на ровное место под простыней там, где должны быть ноги. И он будет тупо, монотонно жевать одну мысль: какого черта было чують запах дерьма, раз за разом уворачиваться и ускользать от плохого. Чтобы теперь вляпаться в худшее? Разве такая жизнь лучше смерти?

– Чертов дурак, – урезонил себя Билли. – Всегда лучше.

Сел и с наслаждением прощупал ноги. Настоящие. Из третьей жизни.

История третья А был ли мальчик?

Оказывается, у меня есть живое и близкое начальство. Зря я, как наивная чукотская девушка, три дня ликовала: до Чаппы далеко, а кухня рядом. Идеальная служба. Теплое местечко. Как же. Горячее! Мы относительно мирно сосуществовали с Гюль: я пресекала редкие пока что попытки восхищения, она то и дело забивалась в угол и вспоминала о божественном уроде. Завывала с переливами, обещала помереть, раз выжила без него. Логично, ага. Стоит ли после сольных концертов удивляться, что я записала её в женщины? Мужик бы давно выбрал, за борт бросать или там – на коня и в горы. Хотя не исключаю в себе нездорового идеализма. Ну, много мне попадалось так называемых настоящих мужиков? Поблизости от них якобы бабам не надо тормозить коней своими силами и таскаться по горящим пепелам, разыскивая и спасая родимого алконавта...

Три дня, повторюсь, были подарком судьбы. Я мирно обсудила с гостями природного цвета сырого мяса вопрос о недопустимости драк с гражданами, похожими на вывалившихся в муке пугал. Потому что те стучат себя по лбу и звучат, как деревяшки не с целью издевки. Они просто старые склеротики, у них барахлят мозговые стимуляторы. Я рассмотрела правила содержания паразитов и прочих нестатусных существ, сочла бредовыми и переписала, сократив с трехсот тупых пунктов до двадцати умеренно внятных. Гюль помогала, она же это дело оформила и отправила кому следует на рассмотрение и одобрение. Я бы еще год искала адреса и училась пользоваться местной бюрократической системой. Мы сходили в «Заросли сафы» и нажрались у павлино-страуса. Добрый он, три раза врал, что мы угадали созвездие и подлил пошло без оплаты. Гав вел себя идеально, возникал лишь в спальне при закрытой двери, все прочее время вел жизнь бескорыстного захребетника. Снимал головную боль и похмелье, грел и мурлыкал изредка как будто внутри черепа, по-свойски: только для меня.

И вот настал день четвертый. Я проснулась от щелчка в своей голове. Кивнула, не желая того. Меня в приказной форме вызвали на десятый ярус. Который есть над девятым, тем самым, которого якобы и нет. Для посторонних. Минут через пять я уже бежала. Гюль осталась страдать дома, глаза у неё были – будто на смерть провожает.

Начальственный кабинет мои ноги нашли сами. Тыльная сторона ладони приложилась к идентификатору, врата разверзлись и мне предстали небеса.

Кабинет начальства был сине-голубой с отделкой а-ля матовый металл. Само начальство потрясло меня до онемения корней волос, причем в позе «дыбом». Двуглавого петуха с герба России видели? Вот оно и есть, только помасштабнее, килограмм на двести. Крылья пообломаны жизнью, утроба тяжела от забот. Лап не видела, врать не буду – оно за столом клокотало. У каждой головы были свои две руки. Правое начальство – ну, оно всегда правое – меня игнорировало, распекая кого-то за тридевять парсеков и одновременно ставя красивые квиппы или росписи, мне не видать, тут безбумажные технологии рулят. Левая голова прицелилась в меня могучим клювом с несколько грузинской горбинкой.

– Как сметь-ить не писать отчет-ить, – заклокотало неправое начальство. – Я габмург! Я не должен ждать-ить и напоминать-ить всяким там новичкам! Ты есть кто-ить? Ты несвоевременная случайная замена-ить, отбывшему-ить в отставку по ранению герою-ить.

– Герою? – поразила я.

– Ни одного порицания нет-уть, – вставило реплику правое начальство. – Отчеты в срок-уть. Благодарность от Империи в деле-уть. Благодарность от Дрюккеля в деле-уть.

– Только корабля нетуть, – проклиная язык свой, буркнула я.

– Молчать-ить! – заверещал левый. – Не умничать-ить! Мы решаем-ить, что кондиция. Мы пока не решали-ить.

Начальство переглянулось и взялось чистить мне шею в два клюва. Словесно, идейно и доказательно. Скостили двести граммов золота, вынесли порицание и вообще оттоптались, как и следует петуху... А я стояла и слушала, скорбно изучая синий пол и свою бледную морду, в нем отраженную. Чтобы скорбь не спугнуть. Мне было пофиг. Начальству полагается орать. Значит, только что его взяли за то, что пониже столешницы и вдумчиво покрутили это ценное против часовой стрелки. Бывает. Я бы даже сочувствовала, но мешали мысли. Если у этих разумных и бабы с двумя головами, во семейки там, а? Если живут курятниками, вообще отпад.

На шее чуть подрагивал морф. Слушал мои мыслишки и тоже хихикал. Он, кажется, вроде трипса, очень уважает донорство мозговой активности. Ну и пусть. Он вроде не сплетник.

Ага, разнос вроде подходит к концу. Я высморкалась и скупо седила намек на слезу в рукав.

– Осознала-ить?

– Вникла-уть?

– Благодарю за вразумление, – с чувством сказала я, поочередно поклонившись правому и левому фрагментам родного герба. – Конечно, я не сахар, меня еще учить и учить. Я в отчетности вообще слаба. Если бы какой обучающий курс или там – видео.

– Укол, получите в приемной-уть, – чуть благосклоннее сообщило начальство и отвлеклось от меня – частично, правым флангом. – Осознание есть шаг к исправлению-уть!

– Может, я еще что сгоряча не так сделала? Я же кроме этих шести пунктов, – всхлипнула я, скрывая приступ хохота: а вам бы как оно показалось, общаться с разжиревшим пузатым гербом? – Мне бы свод должностных инструкций прочесть.

– Имеется-ить, размещен-ить в главе, следующей за актом описи в главном хранилище данных габ-сотрудника, – строго, но почти отечески, просветил левый. – Читайте-ить! И-ить еще. – Начальство нахмурило перья. – Кто вам дозволил-ить принимать подарки от сотрудника дознания Империи-ить? Пьянство-ить! Катание на катере-ить! Допущение допроса без санкции-ить!

– Он не представился.

– Надо чують-ить! Надо наводить-ить справки! Мы нейтральны-ить, мы вне политики. Империя желает вас повторно допросить-ить. – Начальство нахохлилось всем пером. – Мы не выразили-ить протеста. С применением укола правды. Идите-ить.

Я порылась в инструкциях – благо, мозг ими захламен – и звучно припечатала ладонь к груди, обозначая рвение и уважение. Повернулась на пятках, затопала на деревянных ногах. Петух драный сдал меня с потрохами. Спас остатки хвоста-ить, блин. Теперь из меня пух полетит. Морф на шее мелко вибрировал от злости. То ли не любил Империю, то ли за меня переживал.

В приёмной габмургера, куда я попала из кабинета, сидела двуглавая клуша и пялилась в пространство, игнорируя меня без малейших усилий. Семейственность в выборе персонала просматривалась в горбатых клювах. Правда, я честно порылась в справочнике и чуть смягчила неприязнь в начальству.

«На должность координатора габ-порта и подчинённого ему оператора принимаются только представители рас с парным или множественным связным сознанием, поскольку работа габ-порта должна отслеживаться непрерывно в течение смены, при наличии сколь угодно значимых отвлекающих факторов. Если моно-сознательный претендует на должность, он подлежит клонированию по типу „зеркало“, с последующим контролем личного баланса».

Вот так история, блин. Если мне взбредет в моно-голову стать габмургершей, я буду вынуждена делить кабинет с Симой-второй. Сочувствую порту, пока мы сбалансируем личность, тут все рухнет.

Клуша, не отвлекаясь от важного дела, ткнула когтистым пальцем в дальнюю дверь. Я подчинилась и побрела туда, куда послали. На душе было муторно. Ноги по-прежнему деревянно спотыкались. Допрос. За что? Я не виноватая, он сам меня пригласил, ну и вообще, что мы такого незаконного могли натворить? Подумаешь, генерал. И пили мы умеренно...

У двери меня ждал типовой минотавр, то есть почти человек, но до того чудовищно огромный, заросший и жуткий, что за его спиной так и чудился ужасный лабиринт без выхода. Минотавр посопел, поймал меня за руку и шлепнул по запястью подушечкой-уколом.

– Полчаса им даю, – вроде бы виновато буркнул он. – Никаких эмоций. Никакого трепана о прошлом и личном. Никаких оценок вида и поведения любых лиц. Отказ от ответа есть право любого габ-сотрудника. Поняла? Марш.

Я кивнула и меня втиснули в дверь. Сзади в лопатки толкнули сошедшиеся створки. Я оказалась в тесном узком коридорчике. Почти сразу открылась дверь впереди, и меня поманил смугловатый человек, неуловимо похожий на Тэя. Следом за ним пришлось пройти по лабиринту, от укола было жарко в голове и я совсем ничего не соображала. Право-лево, прямо-криво... Ага, стул. Уже хорошо. Провожатый ушел. Стало тихо и пусто.

Наконец сбоку открылась неприметная дверь, в комнату, озираясь, прокрался Тэй. Прижал палец к губам, подмигнул и пристроился рядом с моим стулом, прямо сел на корточки, вроде стараясь быть ниже столешницы. Я присмотрелась к более чем нелепому для генералов поведению. Даже поморщилась от удивления. Тэй смотрел на меня в упор, изучающе. Я тоже смотрела. Никакой бездонности в его глазах не было, и сами они казались тусклыми, словно бы закрытыми дополнительным стеклом.

– Все хорошо, – шепнул Тэй. – Отвечай и говори тихо. У них полчаса, надо тянуть время, поняла?

Я кивнула. Сквозь жар в голове инструкции и справки искались так себе, вяленько. Спасибо морфу – прилип к спине и работал во всю, выкачивая из меня вредность укола. Ага, вот оно.

«Дознаватели империи. Закрытое элитное подразделение службы безопасности, подчинено напрямую императору. Обладает широкими... – тут пропустим, нафиг мне знать, что за гадости они делают? ...при приеме на службу все подвергаются временному пластингу и невозвратному морфированию. В низших званиях обязательны после коррекции рост, цвет волос и общая форма лица, соответствующие стандарту истинного имперца... тут про среднее звено, всех в сад. Ага, нашла: ...ранг „тэй“, давший название системе безопасности, подлежит полной унификации внешности, повторяющей черты и манеру общения первого из тэев, славнейшего и удостоенного памятника во дворце Истины».

Приплыли. Меня тут полагают полной дурой. Мне подсунули очередного тэя, раз я не воспользовалась справочником в прошлый раз. Ну, так первый день – он и есть первый. Я прикрыла глаза и задумалась. Тот тэй – он был настоящий, живой. И глаза глубокие, и улыбался он, как человек, а не этот блин, памятник дохлому эгоисту, возмечтавшему себя повторять в веках, уродуя безликих подчиненных.

Поддельный тэй – я больше не считала это сочетание букв именем, по крайней мере для него – сел на стул напротив меня, поправил ворот, прокашлялся, еще раз подмигнул и нажал на знак империи в центре пластины, лежащей перед ним.

– Ваши имя и статус.

– Серафима, габбер, – отозвалась я.

– Опишите подробно день контакта с представителем империи.

Во, придурак. Ну, слов нет. То есть, слова-то я найду, но его полчаса накрылись...

– Утром я встала, пробежалась вокруг дома. Повздорила с женой брата – и эта лярва угробила мамину бегонию, чтобы мне отомстить. Ну, я была просто в шоке. Чайник вроде не выключила даже... Оделась. Спустилась к машине.

Генерал приуныл. Сам спросил, зараза. Я ему не вру. Только мой Тэй не спрашивал бы, у нас уговор: пока я не куплю ему «черную звезду», он не задаст вопросов... Тем более всерьез.

– Перейдем к вашему появлению в габе. К нашей встрече.

– Нашей? Да я вас первый раз вижу.

– Препарат введен? – уточнил тэй, отвернувшись от меня к двери. – Так... Вы утверждаете, что со мной не общались в день прибытия?

– Нет.

– Способ идентификации можете обосновать?

– Женская интуиция.

– Не принимается.

– Да что я, чмо от человека не отличу?

Его перекосило на долю мгновения. Слова не расшифровал, но смысл уловил. И взбесился. Как их там нанимают, таких слабонервных, на высокие должности? Белеет, блин, как парус одинокий, всею мордой.

– Приведите логичное обоснование.

– Я вижу разницу. Вижу – и все тут, какие обоснования?

Он замер, задумался. Быстро повозил пальцами по пластине. Передо мной повисли в воздухе пять объемных тэев, крутящихся в одну сторону и пристально зырящих в пустоту.

– Идентифицируйте.

– Только в живую.

– Эмпатия, – заподозрил он. – Вас притягивают какие-то особенности, не стертые из примитивно-личностного? Глаза, губы, – он провел по форме от подбородка и до ремня, перебирая пальцами и намекая без слов на то, что ниже пряжки. – Параметры сложения?

– Вас мне вовсе не хочется кастрировать тупым ножом, – честно и смущенно моргая, шепотом сообщила я, стараясь промолчать про глаза и бездонность, а вдруг оно важно? – Простите.

Он резко убрал руку и, если я хоть что понимаю в эмоциях, возмечтал меня удавить, медленно и со вкусом. Судя по всему, отношения с имперцами всегда грозят острыми переживаниями.

– Хочу вас поставить в известность, что речь идет об измене, – тихо и строго сказал тэй, не передумавший меня убивать. – Это дает мне право продлить допрос. Это дает мне право прибегнуть к крайним мерам. И я не вижу причин не использовать полномочия.

– Я не изменяла никому.

– Речь идет о тэе Альге, – продолжил этот засранец. – Мы имеем основания полагать, что он исполнял внешние указания. Возможно, переданные вами. Прямо спрашиваю: что вы говорили ему в «Зарослях сафы»?

– Имя. Что у меня нет денег, – задумалась я. – Что мать его не Тереза – ну, это идиома. Про идиомы вы сечете? Вот. Что он мне врет. Что я хочу уйти.

– Не то, – поморщился тэй. – Что вы говорили во время облета габа на катере?

– Ничего. Он мне сказал, что я выбрана в габберы как клинический неудачник, и мое дело – ничего не делать и не мешать умным дядям. Я злилась. Я, блин, с тех пор постоянно злилась.

– Мудрое замечание, даже для предателя, – порадовался тэй. – Причина посещения закрытого причала? Вы знаете, что «Стрелы» не предназначены для осмотра сотрудниками сторонних служб безопасности?

– Не знаю. Прочту инструкцию, проверю. Он просил. Он так хорошо сказал – пожалуйста, – я мечтательно улыбнулась.

Было очень страшно, и все хуже с каждым словом. Мне-то что, я дома. У меня за спиной петух двуглавый и тот минотавр тоже, наверное. Меня вытащат отсюда. А вот мой Тэй, кажется, влип. А вдруг я виновата? Понять бы – чем? Ну что я такого сделала, как его подставила?

– Как вы смогли связаться с означенным тэем Альгом позже?

– Не знаю. Я хотела с ним поговорить, у меня были сведения. Наверное, он составил какое-то правило, чтобы если я завершу, расслышать.

– Почему вы пожелали осмотреть сейф?

– Любопытство. Подозрение. Я думала, Тэй пират, – смешок оказался похож на кашель. – Он шикарно смотрелся бы на бригантине. Ну – веселый роджер, трубка в зубах, попугай на плече. И куча сокровищ в трюме.

– Поясните, как вы можете говорить откровенную бессодержательную глупость под укол?

– Я говорю то, что думала тогда. Я ровно это думала. Ну, еще много всякого. Что я габбер, я его поймаю и привяжу к мачте. И такое начнется, я с него буду срезать пуговицы, а потом...

– Достаточно. – Вероятно, в империи секса нет. Потому что этот единообразный со всеми сослуживцами тэй побагровел до того, как я намекнула на непристойное. – Ваш интеллект?

– Тридцать один.

Генерала перекосило так, что я невольно порадовалась. Он вдруг осознал, что беседа со столом или маньячески-услужливым креслом была бы меньшим позором, чем общение с обитательницей дикарского мира.

– Их раса признана разумной? – спросил он, снова глядя в сторону.

– Зафиксирован выход из атмосферы, – тихо сообщили извне.

Пальцы тэя забарабанили по пластинке. Он сделался сер и сосредоточен. Он думал, чем можно понять дерево, которое много тупее всех местных, ограничивающих сектора и, кстати, имеющих суммарный интеллект корневой системы до полутора тысяч единиц.

– Почему вы передали сведения, важные в розыске содержимого сейфа, предателю Альгу, а не обратились в инспекцию габ-центра?

– Я еще не знала, к кому там обращаться. Но теперь читаю инструкции и буду знать.

Он откинулся на спинку стула и в отчаянии воззрился на меня. Скрипнул зубами. Побарабанил по той же многострадальной пластинке.

– Дознание по делу предателя. Раздел – сообщники. Вынужден признать отсутствие факта вербовки или же подкупа ввиду отсутствия интеллекта у вербуемой стороны, что полностью лишает процесс... смысла.

Он тяжело вздохнул. С ненавистью глянул на меня.

– Претензий к габ-порту не будет заявлено. Особое замечание: выразить благодарность носителю Чаппе, галактика Дрюккель, за успешный выбор служащего, не способного к измене по ментальным параметрам.

Я прикусила губу и заморгала. Сейчас меня отсюда выдворят, и никогда больше я ничего не узнаю о Тэе. Ужас. Я с ума сойду. Конечно, весь бред про пиратов и прочее я изобрела прямо теперь, и вообще укол, спасибо морфу или даже тому минотавру, на меня перестал влиять. Но я не могу просто уйти.

– Есть просьба, – тихо сказала я. – Альг был первым человеком, с которым я заговорила в габ-порту. Я бы хотела его еще раз увидеть, Мне кажется, что другой возможности может и не быть. Я обещаю молчать и выполнять ваши инструкции. Пожалуйста.

– По окончании расследования, а оно завершено, – ровным голосом злодея, нашедшего для меня казнь, сообщил тэй, – мы установили: изменник действовал один. Это дает возмож-

ность привести приговор в исполнение, финальная карта мозговой активности уже снята. Мы не возражаем против просмотра процесса. Остаточная длительность допроса три минуты.

Он снова надавил на знак империи, которую я за полчаса научилась ненавидеть всей душой. Над столом постепенно сформировалось объемное изображение довольно мрачного места. Света там было мало, всего одна лампа. Острый, как нож, луч вырезал из пространства белесую сердцевину. Сперва я не поняла, что вижу в границах света. Потому что так изуродовать человека – невыносимо. И, черт подери эту эмпатию, я правда его узнала. Хотя узнать по мясу и торчащим костям того, кого помнишь вполне здоровым... В горле стало до ужаса сухо. Это очень далеко отсюда – в проекции. Ничего сделать нельзя. И подлец, сидящий рядом, знает, что изменения невозможны, и я доставляю ему радость в каждый миг просмотра. Мой Тэй был еще жив и даже в сознании. Не знаю, как можно жить в таком состоянии. И зачем это нужно. Ему зачитывали приговор. Про эту их дурацкую измену, про лишение статуса и в конце сказали «в шлак».

Я сглотнула всем наждаком горла. Ужас был еще и в том, что я понимала: мне показывают картинку, канал односторонний. И все же мой Тэй, он же Алыг, знает каким-то одному ему известным способом, что я – вижу. По спине мурашки бегут, до чего жутко и больно. В довесок эта проклятая тоска пополам с любопытством, как тогда. Только теперь я точно чую: не моя она. Внешняя. За это мое знание генерал, сидящий рядом, отдал бы все на свете. Не знаю почему, но я уверена, так и есть. Поэтому я смотрю и молчу.

Там кто-то шагнул в свет и передернул лязгнувшее. Прицелил в истерзанное тело – и чертова объемная проекция стала крупной, прыгнула близко. То, что выстрелило, было чудовищным, оно разнесло тело и мне казалось, что я вся заляпана кровью.

Точно помню, что я кричала. Что становилось все темнее, я почти перестала видеть, когда из-за спины с ревом возник минотавр и вкатил имперскому уроду по полной. Мой двуглавый шеф вроде клочкотал где-то рядом, а я все проваливалась и проваливалась в ничто. Холодное, страшное и окончательное.

– Попей водички, да? За свою добрую Гюль, давай, – знакомо всхлипывали рядом. – Пора домой, возвращайся. Пора домой. Ты сама сказала, бывает худший день. И даже он проходит. Я поверила.

Мало ли, что я могу наговорить при интеллекте, втрое уступающем возможностям морфа? Впрочем, если думаю, значит, как ни противно это признавать – живу. При мне уничтожили Альга, а я – человек, самое живучее мировое чмо – бесхребетно продолжаю дышать и нахожу в таком занятии смысл.

– Самоедство, – упрекнула Гюль, демонстрируя безупречную память. – Про интеллект вообще не верно. По уточненной шкале Лээри следует перемножать базисный показатель с квадратом атипичности. Конечно, это устаревшая шкала, ею почти не пользуются. Есть мнение, что Лээри был из кэфов, понимаешь? Ну, из последних, которые консультировали вроде бы наши старшие расы, когда создавалась габ-система. Только это все давнее, такое давнее, что не понять, где правда, а где легенда.

Я резко села. Темнота стекла с меня, как вода с того гуся, которому все похрен. Голова немного покружилась, я вцепилась в Гюль и переждала.

– Ты читаешь мысли?

– Я улучшенный клон улучшенного... – она грустно улыбнулась, – и так далее. Конечно, ведь ты не создала правило приватности сознания. Хорошо хоть, морф о тебе заботится с недавних пор, иначе допрос оказался бы полезен для империи. Пей водичку. Давай, за добрую Гюль.

– Гос-споди, – просипела я, – это что я о тебе думала, ты – целиком читала?

– Нас многие полагают совершенными... выродками, – поморщилась Гюль. – Я знаю, я вообще хорошо читаю, даже через правила приватности. Я говорила тебе: на мне была охрана бож... бывшего моего. Он и избавился от меня, как я теперь понимаю, осознанно. Я бы отследила нового члена прайда, меня не обмануть сходством. И вот я что скажу: очень редко думают, как ты. Про меня, а не про всех «не таких». Универсум большой, просторный. Нет понимания – нет общения, вот закон. Неписанный, но соблюдаемый. Одни живут прайдами и забыли, что такое дети, другие при зачатии ребенка поедают партнера и по боку вся разумность. Третьи вон – вскармливают от своего мозга. Разные. Не понимаем друг друга. Ненавидим иногда. Презираем часто, отворачиваемся каждый день. Терпимость, вот название. Закон даже. Ты смотришь – и нет у тебя общего мнения о таких, только об одном, кто перед тобой. Это хорошо. Это и должно быть у настоящего служащего габа. – Она вздохнула и подперла кулаком заплаканное лицо. Нос распух, глаза щелочками. Правда, проняло. – Терпимость, это когда отворачиваются. Гадкий закон. Лживый.

– Давно я...

– Нет. Час, наверное, – захлопала она ресницами. – Тебя лечили, хотели передержать в отдыхе сутки. Потом пришел габрал, – Гюль брезгливо оттопырила верхнюю губу и поправила ткань платья, скосив взгляд в сторону, – и велел будить. Опять допрос.

– Габрал, – тупо повторила я.

В сознании сам собой возник такой бравый американский капрал из тупых фильмов. С глазами навыкат, фигурой и мордой Кинг-Конга, воплем: «Кто здесь прав, жирные задницы, вашу мать?». Я посмотрела туда, куда посоветовала Гюль. Увидела минотавра – ну, то есть габрала. Он был куда внушительнее любого кино-жутя... И я спешно порылась в инструкциях.

«Служба безопасности габ-портов набирается из числа рас области неприсоединенных. Живучесть свыше сорока единиц по осреднённой шкале. Силовые параметры...»

– Габрал Рыг, – прорычал минотавр. – Мне нужно знать, что произошло на допросе. Мы ожидали, что это будет бесполезно для империи и безопасно для габбера. Но оказались правы лишь в первой части. Так я думал час назад. Сейчас и это под сомнением. Что видела, габбер Сима?

Я вцепилась в плед, чтобы снова не провалиться в темное и пустое отчаяние. Габрал выпятил титаническую челюсть.

– Живучесть сорок – это много? – спросила я.

– Оторванную конечность выращиваю в полчаса, – буркнул он. Покосился на Гюль. – Проще, чем находиться в помещении с этим... Что еще? Не тяни трипса за хвост.

– У имперских тэев живучесть ниже?

– Двадцать по нашей оценке, я беру именно ранг тэй, там много вариантов, в общем – от восемнадцати до тридцати одного у тор теев. У тебя живучесть – пять, немного подросла с трешки после присвоения статуса, у этого, – он нехотя кивнул на Гюль, – тридцать семь.

– Сорок один в режиме прайда, – уперлась Гюль.

– Молчать, – взвыл габрал.

– Алыг ведь мог выжить?

– Мог, в теории. Если теперь он в шлаке, вопрос не имеет смысла, оттуда нет выхода. Транслируй, – велел габрал.

Я скрипнула зубами, Гюль громко сказала «животное», габрал хмыкнул и уставился мне в зрачки. Пришлось вспоминать все, хотя проще было бы умереть, с моей-то ничтожной живучестью... Кажется, я опять кричала. Гюль меня облила водой, отпустило.

– Именно шлак, плохо, – выдавил габрал. Жестом выставил Гюль за дверь. Она показала фигу – у меня в голове отрыла жест? И осталась сидеть. Рыг выпятил челюсть еще страшнее, но стерпел. – Алыг сам связался с нами два цикла назад. В предельно закрытом режиме, мы долго не знали, что работаем именно с ним. Речь шла о возможном нарушении стабиль-

ности сил универсума. Этот сейф не должен был достичь места назначения с содержимым. Все шло штатно, но империя досрочно уволила габрехта, прикрывая свою игру. Мы не успели допросить, он уже за барьером, в зоне вашего неприкасаемого детсада, – скривился Рыг. – Сейф вскрыли до нас. Алыг вроде бы один и успел сообразить, кто в игре. Мы два дня назад строго рекомендовали ему уходить в габ-центр. Он предпочел догнать тот корабль и уничтожить содержимое. Это все. Каждый выбирает сам. Я бы тоже довёл дело.

– Что такое шлак?

– Разберёшься. – Габрал встал, неодобрительно потрогал близкий при его росте потолок и ссутулился. – Ты в отпуске до выздоровления. Советую старательно забыть лишнее. Прекратить бессмысленные страдания. Избавиться от нахлебников.

Гюль уже привычно фыркнула – вероятно, так она реагирует на любые слова габрала. У меня на спине вздыбился морф. Вот уж кто не считал себя нахлебником!

Сверхсекретный минотавр отбыл в свой хренов лабиринт. Мы остались одни. Я всхлипла. Гюль поддержала. Рассекреченный морф обнял нас и тоже дрожал. Сочувствовал...

История четвертая

Кое-что о чудесах

Худший день закончился слезно и мрачно. Паршивее всего то, что следующий за ним не стал лучше, я проснулась и сразу это поняла. Как будто в мире что-то хряпнуло – и по нему пошла трещина. Сколько я ни старайся делать вид, что универсум целенький, смотрю исключительно на эту трещину. Тошно мне. Стоит перед глазами казнь, режет нервы собственное бессилие и выбешивают до невменяемости пояснения минотавра, ничего не поясняющие, зато очень спокойные. Это его: «В шлак, плохо». Поставил квиппу, гад. Припечатал где-то в отчете начальству: союзник Альг был полезный, но весь вышел. Спасать не стоит, это невозможно.

Не могу ничего забыть. И хуже, не хочу. Раз невозможно спасать, значит – еще жив? Был бы мертв, так бы мне и сообщили: мол, скончался, мы ему посмертно благодарны. Я повернулась ужом с правого бога на левый и дальше по кругу. Тошно. Неужели здешние габбезопасники взяли да и бросили человека? Которого уродовали и убивали у меня на глазах так, что никто бы не выжил. Хотя тут все не вполне люди, если по земным меркам. У Гюль вон – живучесть минотавру на зависть. Зря она, что ли, ползла под крышу, когда надумала самоубиться? Она спонтанная, но и расчетливая. Интеллект запросто не отрубишь. Посчитала, наверное. Высоту там, скорость, ускорение... Я слова кое-как помню, а она навигатор, она весь смысл сечет.

Кот сегодня серый – тоже переживает. Лежит возле бока и упрямо делает вид, что никакой он не морф. Просто спит тут и вот-вот пойдет лакать молоко.

– Ты чем питаешься, Гав?

– Мр-яу, – он открыл верхний непарный глаз и снова закрыл.

Типа – будь спокойна, дорогая хозяйка, я разберусь сам, надою молоко и воспитаю мышей.

В дверь сверхделикатно поскреблись. Не дожидаясь моего «иди к черту» проникли. Телепает меня Гюль, зараза, без всякого зазрения совести. Завтрак принесла. Поднос купила цветной. Суфле перевалила в миску из «Дна». Тоже устала от серости. Сама такая важная, прямая. Косы все расплела, соорудила на голове чалму из собственных роскошных волос.

– Утро, – поприветствовала я, проглотив первую порцию суфле и слово «доброе».

– Ты не так на мир смотришь, как я, – тихо сообщила Гюль, пристраиваясь на краешек кровати. – Я всю жизнь жила и было вокруг сложно, многослойно, неоднозначно. Я старательно себя обманывала. Снаружи никто не обманет так, как я сама изнутри, понимаешь? Все так делают. Так удобно, так принято. Вот ты про меня подумала: дура и ходит строем за божественным. Только я не дура. Я умная ходила. Я сама старательно не слышала, что меня не уважают. Я сама усердно не видела, что наш прайд давно стал... не тот. Клонировать людей можно, а вот восстановить то, что однажды объединило наших предков, наверное, нельзя. Может, моя первая версия правда безумно его любила. Может, его первая версия стоила этой любви. Но пока ты не посмотрела на меня и не пожалела меня, я не хотела ничего знать. Ты смотришь на мир, как будто он совсем простой. Ты видишь его, как в первый день. Для этого вас и привозят, настоящих. Если могут найти и выбрать. Свежий взгляд.

Я доела суфле и облизала ворованную ложку, которая, как и я, помнила живого веселого Тэя. Слова Гюль медленно приживались. От них, завтрака и общей слабости – тошнило. У меня интеллект тридцать один. Блин, почему я должна видеть мир сложным?

– Интеллект вообще загадка, к тому же он не идентичен понятию «разумность», – отмахнулась Гюль. – Они считают по сложности мозга, числу активных связей и проценту включения потенциала в работу. Только это все не важно. Если тебе сделать еще пять-шесть инъекций

знаний и дать время их усвоить, значение вырастет до двухсот. Ты останешься та же. А может, вообще во вред пойдет. Я обколота навигацией так, что могу вручную делать переход, хотя это по идее вне биологических возможностей людей. И что? Это меня делает умной?

– У меня болит голова и без твоих рассуждений.

– Я кое-что вспомнила и решила, – строго сообщила Гюль. – Я закрыла дверь и попросила морфа полностью нас экранировать. Я предлагаю тебе совсем безнадежное дело. Вероятность успеха по-умному менее одного процента. Это оптимистичный вариант. Но если я права и чудеса бывают, можно попробовать попасть в шлак и иметь шанс оттуда выбраться. Не скоро и не обязательно получится, но иначе вообще нет вариантов.

Я оставила поднос и жизнерадостно кивнула. Женская интуиция по имени эмпатия орала в голос «да, да!». Ум молчал, ему рот заткнули.

Гав спрыгнул с кровати и стал бродить по комнате, громко имитируя мурлыканье. Он был здорово похож на обычного пятиглазого кота, особенно пока не начал прогуливаться по стенам и даже потолку. Гюль неотличима от человека, разве что цвет глаз меняет и смуглеет по настроению. Зато если ей отрезать для пробы руку, ведь отрастит в полчаса!

Могу ли я смотреть на окружающих иначе, относиться как-то по-другому, зная весь обман внешности? Нет. Она права, я вижу мир просто. Я даже не завидую никому. Смысл? Морфы почти вне закона, хотя справочник в моей голове утверждает: они живут на плечах и спинах каждого тысячного разумного. Это нелегально, но морфа ведь нельзя обнаружить. Он с носителем до смерти последнего, и переживает потерю отчаянно, на время впадает в шок – тогда его и отлавливают, и в камеру передержки... Вот ведь гадство.

Морфы сами выбирают носителя, и никогда не соглашаются на сделки. Это повод для ненависти и главное основание их нелегальности. Разве дознаватели той же империи простят морфам отказ сотрудничать? Вот и гнобят от злости.

Гюль я не завидую тем более. Умная, красивая, одаренная – и до сих пор не знает, мужик она или баба, или ей вообще не важно, кем быть. Не знает она, блин! Её так долго совершенствовали, что исходник оказался забыт. Так что они живучие, а я – человек. Дикий, первобытный. Ну, или, что куда более лестно – настоящий.

Может, Тэй потому и стал меня угощать, что рассмотрел этот талант. Мой талант. Оказывается, мало кто умеет просто смотреть и слушать, не отворачиваясь от странного. Это почти смешно и довольно грустно. В очень большом универсуме не так и много равнодушных людей, готовых служить в габах и не вербоваться в шпионы, не выбирать покровителей и не заменять свой дар человечности на аурум, окислитель и всякие иные условные ценности. Как я сказала Тэю? Тоска и любопытство, смешать но не взбалтывать. Я была искренней. Сгоряча.

– Я продала украшения, – продолжила Гюль, показывая запястья. – И с волос тоже, все. Продала окислитель из кладовки и тот, что получила вперед, подделав прошение от твоего имени. Нам хватит, чтобы заказать катер. Я могу в ручном режиме разогнать его и положить на курс. Нелегально, без запроса в габ-центре и контроля маршрута, а они проверяют все расчеты автоматике. Вася сказал, что согласен сделать прореху в наблюдении, нас отследят после точки возврата, не ранее. Окислителя хватит до места. И еще немного останется, часов на пять. Вася сообщит, где мы. Но вытащить нас не успеют. Все понятно?

– Да.

– Твой Тэй сказал про сектор ИА. Он, похоже, умный... был. Зачем бы зря упоминал то, что вовсе бесполезно, – Гюль вздохнула. – Скажи, он тебе как, божественный? На всю жизнь и без оглядки?

– Черт его знает. Мы толком не знакомы. Но что-то проскользнуло, признаю.

– А привязать к мачте и тупым ножом? – Гюль сделала большие глаза.

– Хватит во мне копать, как в мусорном ведре! Мало ли, что я думаю и тем более не думаю, а просто вот оно бац – само всплывает. Не знаю. Вряд ли мы ужились бы. Но еще разок выпить «черную звезду»...

Я мечтательно вздохнула. Гюль расплылась в улыбке: опять влезла и читает меня без зазрения совести, по роже видно. Ну, что я могу с ней сделать? Сама в гости пригласила. От души. А она меня теперь тоже приглашает – от души. То ли повторно желает самоубиться, то ли правда верит в чудеса. Зачем лезть в историю, о которой все знают: это безнадега? Гюль доведет катер, морф вряд ли останется тут и помашет вслед нам лапой. На моей совести будут два трупа, не считая родного тела.

Когда меня увольняли с первого курса, ректор меня позвал и сообщил лично. Сказал еще зачем-то про какого-то самурая вроде, который прошел непроходимый полигон. Он не знал, что это невозможно. Ректор, вероятно, надеялся мне намекнуть, чтобы повторно подала документы. Но я не поняла. Тогда было еще рано. Сейчас, пожалуй, самый раз.

– Хорошо, что у меня интеллект тридцать один, – хмыкнула я, ощущая, что день делается цветным. – Все поймут: дура была – и душой померла. Если что.

– Если что, – тихо согласилась Гюль. Поморгала своими сумасшедшими ресницами двойной длины. – Знаешь, я тебя немножко люблю. Не как часть прайда. Но мне тут уютно. Может, родственно. Хотя генетически у нас разница приличная.

– А прайд большой?

– Не знаю, – удивленно отозвалась она. – Это было частично слитное сознание, частично дробное. Я знала все его элементы, но не выделяла каждый. Я вообще редко всматривалась в привычное, доверяя слитности. Ты не обижайся, но я буду читать тебя, даже если запретишь. Мне плохо одной. Я не знаю, как смотреть. Не привыкла.

– Когда делаем глупость века?

– По быстрому, пока за ум не взялись, – встрепенулась Гюль. – Одевайся, у нас полчаса до расчетного времени сигнала от Васи. Он очень славный, хоть и габарит. Мечтает быть атипичным. Вскрыл склад и выдал два комплекта специальных костюмов. Его могут за это перекодировать. Я предупредила, а он твоим голосом поет какие-то глупости.

– Атипичность заразна, – отметила я.

– Хорошо бы.

Костюмы от Васи были почти неотличимы на вид от обычной формы. Впрочем, доверять надо не глазам, а себе в целом. Я вот не могу испытать страх и осознать сказанное мне Гюль – про один процент вероятности успеха. Мне сейчас так плохо, что я лопну, если хоть не попытаюсь исправить то, что вроде бы поздно выправлять – казнь. Пусть это глупо. Пусть похоже на аффект. Я хочу выбраться за пределы габа. Мне душно, мне больно думать, что весь их супер-развитый мир позволил пытать человека и убивать в прямом эфире. Что наш габ вне политики, и империи за все мерзости не дадут по носу.

Мы с Гюль быстро добрались до причала, она показывала дорогу и первый раз шла не за мной и не старалась двигаться шаг в шаг. Щеки горели, глаза прямо полыхали – ну, другой человек. Проснулась спящая красавица.

Катер оказался маленький, двухместный. Судя по всему, он числился, как корабль малого радиуса. Нам дали стандартное разрешение на облет габа и затяжной «пикник» в универсуме, я же в отпуске. Мне еще отечески посоветовали, щелкнув и вмешавшись в разговор: «Отдыхай-ить, полетай туда-сюда-ить. Звезды красивые». Я поблагодарила. Не такой он и петух, он даже почти орел. Стоило мне закричать – примчался спасать вместе с безопасником. Лично! А сколько у него в габе таких мелких сошек, как я? Да он в сто раз лучше чеканного герба, мой толстый шеф. Даже с залысинами на головах и немного обтрепанными крыльями.

– Ждем, – шептала Гюль с совершенно безумной улыбкой. – Ждем...

В ушах тихо свистнуло. Катер метнулся с места к безсветной дыре в космосе, видимой для Гюль и неразличимой моему зрению. Но меня включили в родственность, так она назвала это. Теперь я тоже немного читала – ну, сколько мне давалось.

На грудь положили плиту, прибавили вторую, третью. Костюм подумал и чем-то пленочным заламинировал мне всю кожу. Хорошо, а то было ощущение, что щеки лупят по ушам, а уши отползли к затылку и стали длинные, как у бассета. Морф тоже напрягся и держит спину, впитался в меня частично, так что сперва в глазах темнело, а теперь стало опять хорошо, внятно все видно. Его работа. Я мысленно поблагодарила. Он муркнул ответно.

Чернота сделалась близкой, набухла тестом, затем нас вроде как отрубил от универсума ударом ослепительного тесака – и метнуло вовне. На мировую разделочную доску, блин. Там нас замесило, раскатало, защипнуло – и шваркнуло далее, согласно рецептуре.

Плиты одна за другой рассосались. Морф остался держать спину. Ламинат чуть подогревал кожу и казался жирноватым – не знаю, почему, наверное, сознание глючит. Катер выплыл из сплошного сияния мировой духовки, как пирог на подносике.

– Готово, – сообщила Гюль. Хихикнула, – никто не думал так нелепо про переход. Мне понравилось.

Она пошевелила плечами, урезонивая кресло. Я тоже вырвалась из объятий своего мебельного маньяка. Тяжесть была слабая, едва намеченная. Мы плыли тихо, как лист по воде. Впереди постепенно проявлялся новый узор звезд. Совсем иной. И весь в тонких нитях серебряного сияния, словно прическа, украшенная сеточкой и головками жемчужных булавок.

– Эта сеть света – граница сектора ИА, – сообщила Гюль не без торжественности. – Пересекать её нельзя. Корабли медленно... растворяются. Но мы войдем, покинем катер и он сам скорректируется на выход, автоматика в нем сработает. А мы люди. Если затеваем глупость, автоматика не поможет.

– Заплыв за буйки, – согласилась я.

Катер миновал сеть, при приближении она замерцала ярче, предупреждая, – и распалась. Почти сразу пропал вес, совсем. Гюль гибко взлетела из кресла, подхватила меня под локти и отбуксировала к выходу. Я очухалась уже на границе пропасти по-настоящему бездонной, вцепилась в край борта.

– Может, останешься?

– Нет. То, что позади, – она показала на шлюз, – я знаю. Я оттуда хотела выпрыгнуть, путь даже в смерть. Без тебя опять полезу на балкон, если выживу. Мне станет неинтересно, понимаешь?

– А морф?

– Морфы упрямее нас. Поверь. Он тебе въелся в позвоночник так, что с костями отдирать будем.

Это я знаю, а вернее чувствую. Пришлось сдаться. Без особого сожаления я отпустила край привычного мира, в данном случае представленного катером. Загадочная штука – сознание. Мне хотелось лечь и вцепиться в надежное основание, когда я попала в этот их универсум и первый раз спиной ощутила бездонность. Я сбежала в шлюз, трусливо и без оглядки. Когда Тэй катал меня на катере, я так ловко злилась, что нашла сто один повод не глянуть за борт. Имя всем поводам – тот же первобытный страх. Но у него есть изнанка. Чем сильнее я боялась, тем отчаяннее хотела обернуться и нырнуть в это – бездонное. Отгораживалась от бредового желая, прятала его в дальний угол сознания и накрывала ветошью сиюминутного. Я человек, мое дело жить в атмосфере и стоять на грунте. Так? Конечно...

Гюль оттолкнулась и мы, медленно вращаясь, стали удаляться. Шлюз закрылся. Чуть погода маленький и со стороны очень ладный катер включил освещение, вроде как очнулся. Автоматика провела оценку положения и во всю дурь врубила аварийный режим. Катер суматошно вильнул и сгинул за сетью, мигнувшей ему прощально.

Мы остались в пустоте совершенно одни. Будь я нормальной – ну, как положено ничтожной квиппе, исправно не вылезающей из своей клетки – я бы сейчас паниковала. Увы для носителя Чаппы, я определенно не в себе.

Универсум здесь густел первозданной тьмою, не разбавленной близким светом звезды, отблеском хоть какой захудалой планетки или, в крайнем случае, – темным боком габ-порта. Он покоился настоящим океаном, и я смотрела на него, как сумасшедший Робинзон, который дома вкалывал, вкалывал без отдыха и, потерпев крушение, балдеет от перспектив необратимого и предрешенного отпуска. Это – свобода. Порой вообще не важно, сколько запросят за такое. Вы вдохните разок, и тогда узнаете, оно вам надо? Я вдохнула. Мне, оказывается, было очень даже надо.

Океан чуть покачивался и плыл перед потрясенным взглядом, я смаргивала слезинки, мешающие видеть все резко, внятно. Бездна черна и прозрачна, как ни одно земное море. Я в этом ламинате Васиного костюма на лице – будто голову опустила внутрь универсума и вижу его, саму поверхность рядом и невесть что – в недрах. Текучее, загадочное, слоистое. Может, это водоросли? Ну – косморосли то есть. Дотянуться бы. Я наверняка успею. Надо извернуться, нырнуть... Когда я попробовала сунуться глубже, почти сразу увидела идущее к поверхности гигантское тело. Кит. Блин, я на Земле их в кино-то видела раза три, а чтоб рядом... Кит приближался, слегка светился – так показывают обычно южные моря с этими, не знаю названия, а по сути он – и морские светлячки и проявляют все, что движется. Кит оказался совсем рядом, я очень хотела увидеть его морду...

И мне врезали по собственной моей морде со всей дури, аж голову мотнуло назад и саднуло обо что-то твердое.

– Сима! Си-ма!

Видение нехотя растворилось, прощально рассыпав в сознании брызги чего-то пенного, шипучего – шампанского с хвоста кометы, наверное. Я проморгалась. Лежу на спине на плоском и прохладном. Волосы на затылке болят: их норовит выбрать злобная Гюль, которая перепутала меня с репкой, а себя с трудолюбивым дедом из сказки. Она борется за урожай из моих лохм всеми силами: орет, и лупит опять по моему лицу, которое ни разу не мяч для волейбола.

– Отстань, убивца, – попросила я.

– Сима, – она уронила мою больную голову на жесткое и села рядом, мешком свалилась. – Прости. Я все просчитала, но забыла проверить, как переносят чистый универсум люди твоей расы. К тому же не инициированные, понимаешь? Ну, вы не выходили так далеко от своей планеты и вам не дали... настройку. Пять часов у нас запас по окислителю, я так думала. А тебя скрутило сразу, воздух не был значимым фактором. Воздуха нам хватало.

Она еще что-то бормотала, норовила посчитать на пальцах, хмуря роскошные брови и ругая себя за неосмотрительность. Я злилась. А вам бы было приятно понять, что вас обманули, использовали? Что вас повезли на смерть, хотя твердо верили – угрожает вам в худшем случае укус комарика. Малярийного, блин. Без вакцины, которую ей вкатили врожденно, а мне и укол не поможет.

– Давай, сознавайся, – посоветовала я. – Я тебя прощу, наверное. На первый раз. Если плакать будешь жалобно.

– Корабли ИА не допускают присутствия иных транспортов в своем секторе, – выдавила Гюль, покосившись на меня. – Но всегда спасают людей. Были прецеденты, после двух аварий они доставляли эвакуационные капсулы в ближние габ-порты. Но если аварию подстроили и настоящей угрозы нет, просекают на раз. Не появляются. У нас была угроза жизни, к тому же ты получила от меня вводную с указанием полного уровня риска, ты должна была бояться и излучать страх. Через четыре часа нас бы точно нашли.

– Почему я это подозревала?

– Потому что ты эмпат. Риска почти не было в моем понимании, была простенькая ловушка для корабля. И вдруг – он вынырнул сразу! Я себе не поверила. Потом, когда тебя уже засунули в систему восстановления, гляжу: убила тебя премудрая Гюль... Почти совсем. Надо было внимательнее проверить параметры живучести по лучевому и силовому векторам. Там же ноль, ну чисто – ноль. Ужас. Вы совсем еще детсадовская раса, не прошли развертку второго типа.

– Но я жива.

– Тебя ускоренно развернули. – Гюль залилась слезами, как в первый день, ну прямо заплакала, блин. И сразу вспомнила сравнение, свое же собственное из того дня. – Мы не умеем! Ни-икто не уме-ет! Это уровень старши-их, понимаешь?

– Нет, но мне пофиг, – отмахнулась я, и села.

Костюм с меня сняли, обрядили в нечто короткое, радужное и вроде симпатичное. Только я больничную робу просекаю в любом цвете. Это она и есть. Меня точно лечили, и серьезно. Но я иду на поправку. Хотя в голове такое творится, хоть опять ею колоти об твердое – может, тогда лишние мысли высыплются, а толковые примнутся. Я осторожно постучала себя по гудящему лбу. Не помогло. Хлопнула открытой ладонью, посильнее. Гюль испуганно на меня уставилась, забыв закрыть рот.

– Где кит?

– Кто?

– Красивый такой кит. Крупный. И плавники, знаешь – с зазубринками вроде. Светится немножко. Я видела его, пока ты не начала меня лупить и будить. Хочу кита.

– Вот, – Гюль махнула руками. – Везде. Корабль, понимаешь? Мы в нем. Он нас слопал и везет домой, в габ-порт. Наверное. Хотя он никому свои планы не сообщил. Этот, который тебя лечил, наорал на меня, наречия не знаю, но мысли он показал. Сплошь ругань. Зол был – страшно. Хотел меня не спасать, но закон есть закон.

– Где он?

– Там, – махнула рукой Гюль. – Там навигационный отсек, он же главный нервный узел, он же мозг. Не знаю, не смотри так. Технологии кэфов вне моего понимания. И он все равно не появится, ты же цела.

Вот стану я второй раз верить ей, если я и в первый ни на ноготь не поверила? Гюль до настоящей атипичности не ближе, чем Васе. Она привыкла к прайду, то есть к следованию за лидером. Она просто не могла попытаться грохнуть меня, ей одиночество хуже смерти. А моя смерть – хуже одиночества... За спиной со всхлипом вздохнули: подтверждает, очередной раз втиснувшись в мои не особо умные мысли. Пусть её. Глядишь, своими глупостями обзаведется.

Коридор начался от указанной двери типа «шторка», изогнулся и уперся в красивую сплошную стену янтаря. Полированного, с прожилками зеленоватого молока и сочными медовыми полостями, прозрачными – и непроницаемо глубокими. Я вежливо постучала по преграде.

– Уважаемый кит! У нас в авиации принято баловать пассажиров в первый полет. В кабину к пилотам пускать или хоть в бизнес-класс. – Я подумала и подмигнула стене. – То есть, это не совсем правда, это скорее слухи. Но вы же не какая-то занюханная авиакомпания. Вы лучший в мире кит. Я себя чувствую лет на семь и хочу праздник. Пожалуйста.

Янтарь внутри всколыхнулся, стал похож на кубики льда в темном дорогом алкоголе. Меня от зрелища слегка развезло, уж больно крутилось красиво и сложно. Я так и провалилась вперед, когда преграда исчезла. Несчастный кит меня был вынужден ловить, как вышибала – пьяного гостя.

– Простите, – смутилась я.

– *Бывает*, – подумал он.

Прямо на душе посветлело. Хоть один нормальный инопланетянин. Как их показывают в земном кино. Рослый, стройный, большеглазый. Лоб высоченный, кожа молочно-белая, приятного тона. Глаза чернее универсума и в них эта штука, как у Тэя – бездонность.

– Спасибо, – сказала я, глаза изнутри на шар рубки и чуть покачиваясь в мягком кресле. – Как тут хорошо.

– Могу я еще раз поинтересоваться китами? – спросил он, на сей раз вслух.

Я закрыла глаза и старательно подумала о китах все, что знаю. Я вообще в плане знаний человек компактный. Раз – багаж весь выставлен на обзор. Мало его, багажа. Мне стыдно, но теперь поздно что-то менять в прошлом. Школа, телевизор и кино. Немного случайных книг в тот год в институте, еще немного – во время дежурств, когда было скучно. И все...

– Надо навести справки, – улыбнулся очаровательный инопланетянин маленьким, но выразительным ртом. Безгубый, а злобности нет, даже странно. – Я определил планету, спасибо. Полагаю, там есть наблюдатели расы кэф. Они покинули дом, – тут взгляд хозяина рубки потускнел от огорчения, – таков удел старших. Мы остались оберегать дом, таков удел верных.

– Вы не кэф?

– Можешь звать меня Кит, – улыбнулся он. – Я суть корабля, он – моя оболочка. Еще я экстракт памяти и воли первого капитана. Хорошо, что у корабля опять есть имя. Мы немного устали быть сами по себе.

– Так прилетели бы в габ, поболтать, просто так, по-соседски, – ляпнула я. – Простите. Ну, вы в курсе моего интеллекта. Вот я и горю.

– Корабли расы кэф – мечта империи, тайно желающей господства, – улыбнулся он с долей грусти. – Мечта Дрюккеля, чиновные носители вели бы инспекцию непрерывно, имей они доступ без ограничения дальности и маршрута. Научный сектор желает нас разобрать, расщепить до последнего элемента и познать. Мы очень всем нужны. Только... не по-соседски. Приятно встретить человека, которому от нас ничего не надо... почти. Но то, что в твоей голове, уместается в границы добрососедства.

– Вы нас везете в габ?

Он чуть помолчал, отрицательно качнул головой на гибкой длинной шее – так роскошно получилось, прямо танец, а не движение. У него нет волос, зато по черепу идет едва заметный гребень, и сейчас он приподнялся сотнями радужных пушинок...

– Нам самим много чего хотелось бы сделать, как ты хорошо сказала, по-соседски. Мы храним верность ушедшим. Этот сектор – их дом, а разве хорошо, когда дикари лезут с отмычками в чужой дом? Они ведь будут громить и воровать, именуя это исследованием и прогрессом... Кэфы ушли, и вряд и вернуться. Но дом должен быть цел. Это дань уважения. Мы отдаем дань. Мы помним законы. Не вмешиваться в дела младших. Не влиять на расстановку сил у младших. Спасать терпящих крушение в наших пространствах. Но мы устали от тишины. И мы хотели бы немного усложнить толкование закона. – Он посмотрел на меня так, что я ощутила себя прозрачной. – Есть дело для сотрудника габ-порта. Мы не вмешиваемся, нам нельзя. Тебе можно. Но без меня не добраться и не успеть. К тому же умного там сделать нельзя, все умное уже совершено, и подлое тоже. Посмотришь своим странным взглядом, хорошо? Нам говорили, что умешь видеть, как подобает габ-сотрудникам.

– Да охотно. А можно связаться с моим гамбур... то есть гамбургером? Нам Вася дал костюмы, его могут за это перекодировать.

– Вот именно это и интересно, – улыбнулся Кит. – ты думаешь о том, что иным совсем не важно.

Он кивнул серой стене, открывая в ней коридор. Гюльчатая с видом просветленного буддиста, узревшего сияние истины, проникла в рубку и замерла, едва не перегорев от восторга. Кит перевел взгляд на другой сектор шара. Там обозначился мой шеф, kloкочущий обоими клювами.

– Ить!

– Уть-уть!

– Уважаемый габмургер, только усилиями габарита Васи мы попали сюда, – соврала я. – вы уж его не ругайте, он старался, как мог... атипично. Нас попросили оказать содействие.

– Ить... да-а... – пропищал шеф, во все глаза созерцая Кита. – Честь-ить для порта. Посещение ожидать ли нам-ить?

– Я не могу не вернуть ваших служащих, – пообещал Кит. – Но я не обязан указывать маршрут.

– Нет-уть, – отмахнулся шеф. Он умеет улыбаться клювом! – Ждем в гости-уть. Всегда есть-уть место у седьмого причала. Спокойного перехода.

Кит кивнул и погасил сферу с экзальтированным шефом. Немного поколдовал, шевеля длинными изящными пальцами – и вокруг стал универсум, отделанный дугами янтарных рам.

– И что во мне есть такого, чтобы меня спасти и брать на борт? – поразила я.

– Только то, что я при этом никому и ничего не должен, – отозвался Кит. – Это редкость. Еще полцикла, и, возможно, ты тоже заведешь покровителей, связи, обязательства и осознаешь тонкие нюансы влияния. Тогда станешь нам опасна. Мы верны кэфам, они не вмешиваются. Мы тоже. Мы не союзники и не враги, только соседи. Пока ты умеешь это понять. Надолго ли? Не знаю.

– Я все не так придумала, – отчаялась Гюль, осторожно занимая выросшее из ниоткуда кресло.

– Порой результат важнее замысла, – утешил Кит. – Это нарушение границ сектора было кстати. Я проснулся. Так приятно быть замеченным, как живое создание. Кит... Мне нравится аналогия. Мне нравится вид того маленького океана, бескрайнего в своих масштабах. И мне нравится что вы... не китобои.

Звезды суматошно метнулись, рядом возник габ – я вроде бы узнала его. Катер умчался от нас к шлюзовым воротам.

– А что такое шлак? – вспомнила я главное.

– Герметичная система, – пояснил совсем непонятно Кит. – Создана кэфами для погружения в себя и самоизоляции.

– Находится на границе империи и трассы глоп-фактора, – добавила Гюль. – Используется уже сотни три циклов в качестве зоны финальной изоляции живых с неприемлемыми для универсума искажениями разума, эмоциональной, поведенческой и психической структур. Не зафиксировано ни одного возврата носителей ДНК, отправленных туда.

– Тюрьма, – тихо ужаснулась я.

– Также мне, взрослые расы, – покривился Кит. – Им оставили действующую зону третичной развертки разумного – а они употребили... по назначению. Сима, а тебе зачем шлак?

– Изъять оттуда разумного, – пояснила Гюль быстрее меня.

– Доставить могу, проверить исправность внутреннего порта приема могу, – прикинул Кит. – Провожу вниз, по поверхности. Но там очень особенное место. Не обязательно вы найдете искомого. И не обязательно он будет прежним. Но я заинтересован. Возможно, наш долг состоит в закрытии этой зоны. Оставлять доступ к третичной развертке искаженных сознаний? Это безответственно.

Я проморгалась. Вот что он сейчас сказал? Что все расы, блин, взрослые в универсуме ровно так, чтобы королевской печатью колоть орехи. Это я поняла. Что печать у придурков отберут – это им поделом. Что на орехи никому не дадут. Это обидно. Лично я бы одному малознакомому тэю с наклонностями эсэсовца дала на орехи, догнала и еще добавила.

– Вы занятное существо, Сима, – отметил Кит, трогая пальцами звезды, как будто они – игрушки. – Обычно не принято так упрямо назначать себе врагов. Они сами появляются, поверьте. Впрочем, это ваше время. Так хорошо быть молодой расой и иметь право на любые

ошибки. Взрослым надо думать о правильности и цене компромиссов. Старые обременены гуманностью и желанием отдать знания, не навредив. Вы исключительно свободны. Я, тень давно ушедшего кэфа, прожившего бесчисленные циклы в период старости своей расы, даже немного завидую.

– Куда мы летим? – уточнила Гюль, жадно изучая движения пальцев и всматриваясь в звезды. После касания избранные мерцали ярче, образуя сложную сеть узора.

– Сектор старых рас, – Кит посмотрел на меня, прищурил огромные глаза и порывлся в моем сознании, подбирая аналогию. Подумал её: – *Дачи пенсионеров.*

Картошка, гладиолусы, дощатые заборчики, кряхтящие тетки с таянками и мужики, задумчиво медитирующие на извазюканные в грязи кишки автомобильных подкапотников... Маленькие собачки, урчливые коты, всепролазные гастарбайтеры, тырящие пилу и за пятьсот рублей готовые пилить без неё. И еще грустные взгляды: не едут ли младшие, им бы сырников напечь и стариковских всякостей вместо сметаны – на приправу... Это дачи.

Как такое может смотреться в масштабах универсума?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.